

18+

Анатолий Ехалов

МАЛЬЧИК С КОТОМКОЙ

избранное

Анатолий Ехалов

Мальчик с котомкой. Избранное

«Издательские решения»

Ехалов А. К.

Мальчик с котомкой. Избранное / А. К. Ехалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530420-9

В книгу вошли повести и рассказы, раскрывающие мир русской деревни в разные периоды двадцатого века, а так же века нынешнего. Открыв книгу, трудно оторваться от нее до последней страницы. В этой книге — сама жизнь и правда о нашей многострадальной северной деревне и ее удивительных людях с загадочным русским характером...

ISBN 978-5-00-530420-9

© Ехалов А. К.
© Издательские решения

Содержание

МАЛЬЧИК С КОТОМКОЙ	6
Хроники лесного поселения	6
Глава 1. Встреча на ростанях	7
Глава 2. Однажды в июле	9
Глава 3. Перед грозой	13
Глава 4 Тревога в Уваровке	17
Глава 5. Дорога на Север	19
Глава 6. Беглец с того света	21
Глава 7 Две десятилинейные	23
Глава 8. Платонида – краса	26
Глава 9. Осенний карбас	28
Глава 10. Школа сороковых	31
Глава 11. В лесах	34
Глава 12. Катыря	37
Глава 12. Дикий мед	40
Глава 13. На запани	42
Глава 14. Некому жалеть	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мальчик с котомкой Избранное

Анатолий Константинович Ехалов

© Анатолий Константинович Ехалов, 2020

ISBN 978-5-0053-0420-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАЛЬЧИК С КОТОМКОЙ

Хроники лесного поселения

Глава 1. Встреча на ростанях

Алексей Житьев сидел в зале ожидания во Внуково и спокойно ожидал вылета. Вылет задерживался, но Алексей никуда особо и не спешил. Отпуск у него был большой. Алексей намеревался проведать старуху мать в деревне и далее махнуть на горячие источники Камчатки, где его родной дядька по отцу командовал санаторием.

Ни во времени, ни в деньгах Алексей Житьев не был ограничен. Еще бы! Капитан Советской Армии, студент-заочник института Лесгафта, мастер спорта, известный спортсмен, неоднократный победитель лыжных гонок на первенство Вооруженных Сил...

Он был одет в тонкое кожаное пальто на меху, пыжиковую шапку, замшевые ботинки, сразу выдававшие в нем человека, который не вылезает из-за границы и имеет возможность покупать дорогое заграничное шмустье.

Но погода уравнила всех. Депутатов и колхозников, профессоров и студентов, дворников и директоров, спортсменов и ботаников, красавиц и простушек... Все одинаково ждали, когда расчистится над аэропортом небо.

И тут диктор передала извещение, что его рейс задерживается до следующего дня.

Алексея особенно не огорчило это известие. Он привык ждать. От скуки он осмотрелся, выглядывая, с кем бы из присутствующих дам завести легкое дорожное знакомство.

Познакомиться с женщиной для Алексея не составляло труда. Хорошо одет, образован, атлетически сложен. Горячие глаза, скуластое мужественное лицо, приятная улыбка. Что еще нужно?

Но он сам почувствовал на себе пристальный взгляд. На него смотрела девчонка лет восемнадцати – двадцати.

Конечно, Алексей привык к вниманию женщин. Скрытая в нем до поры энергия, легко переходила в бурную страсть. Любовниц у него, не сказать, что было много, но были. Были. Есть, что и кого вспомнить.

Но тут было что-то другое. Взгляд у девчонки был иной. Испытующий, строгий.

Алексей даже встал, прошелся, попил газировки. Вернулся, сел... И опять тот же взгляд, внимательный, изучающий и строгий.

– Может, какая-нибудь спортивная фанатка втюрилась? – Подумал он. И улыбнулся девчонке. И даже головой кивнул. И тут она поднялась.

Теперь Алексей смог оценить ее стать, фигуру, сложение. Все выдавало породу и внутреннюю силу.

– Спортсменка, что ли? Пожалуй, я не прочь бы закрутить с ней легкий роман. Конечно, я ее старше лет на десять-двенадцать, но какое это имеет значение сейчас...

Житьев даже опешил немного. В то время девушки еще не проявляли инициативы при знакомстве.

– Здравствуйтесь, – сказала девушка, с волнением. Ей трудно давались слова. – Вы меня, конечно, не знаете, но я вас знаю...

Алексей почувствовал, как его начала распирает гордость. Он не хотел, но эта гордыня перла откуда изнутри.

– Это не беда, – сказал он игриво. – Нас спортсменов многие знают заочно, но у меня сейчас счастливый случай лично познакомиться с болельщицей. Вы ведь любите биатлон?

– Нет! – Твердо отвечала девушка. – Вы мой...

И замолчала, словно поперхнулась.

– Кумир? – Помог Алексей девчонке.

– Да нет же, – нашла в себе силы девчонка.

– Вы мой брат!

И сказала она это так решительно и твердо, при этом словно просверлила его глазами насквозь.

Глава 2. Однажды в июле

...Стоял июль-грозник, самая макушка лета. Солнце хоть и жарило, но не было того испепеляющего зноя, поскольку то и дело за речкой над боровыми кряжами вспухали грозные перевалы и шли, грузно и грозно на лесные поселки, разгоняя деревенскую живность по дворам, покосников – по шалашам. Шли короткие грозы с неистовым сверканием молний, ворчанием и грохотом, веселыми ливнями, после которых дышалось легко и вольно...

Лешка вернулся из леса, где собирал морошку. Мать уже целую бочку этой волшебной ягоды, стоявшую в чулане, залила студеной ключевой водой. Зима все приберет...

Он искупался в реке и, отобедав, вышел на улицу погулять. Лешке тогда было лет двенадцать. Сталин еще был силе и правил страной мудро и бережно. Так, по крайней мере, рассказывали по радио и в газетах. Да и в самом деле лесные поселки благоденствовали. Пережили войну, ребятишек на улицах порхало, что воробьев, работа была, хлеба было в достатке...

Лешка выбрался за околицу к конюшне, где вокруг лошадей всегда крутилась ребятня. Он тоже хотел взять коня, чтобы искупать его на омуте.

На берегу речки паслось поселковое стадо. Здесь были овцы с ягнятами, козы с козлятами, тут паслись и телята. Коровы паслись отдельно. У них был свой взрослый пастух. А мелко-рогатую скотину обычно пасли ребятишки.

Нынешним летом на весь сезон была подряжена Любашка Лесникова, девчонка из большой многодетной семьи, которая осталась без кормильца – отец погиб на фронте.

Старшие братья Любашки уже подросли, примеряли на себя мужскую работу в лесу, но нужда все-таки заставила отдать девчонку в пастушки.

Почему-то Лешка давно выделил эту девчонку среди всех остальных. Они жили по соседству. Зачастую Любашка, заигравшись, ужинала у них, а заигравшись, вместе с детьми спала на широкой печи...

Но было в ней что-то такое, чего Лешка не мог объяснить. Она была года на три старше Лешки. И когда они баловались на печи, она вдруг затихала, замирала, и Васька ощущал на себе ее внимательный, испытующий взгляд, от которого непонятно почему у Лешки начинало обносить голову.

Ему уже не хотелось больше шалить, бороться, смеяться... Вслед за ней и Лешка замирал, прислушиваясь к себе. Любашка смотрела на него, и он смотрел на нее и не мог отвести взгляда, хотя ему хотелось в это время сбегать, спрятаться куда-нибудь, чтобы никто не заметил его смущения и замешательства, чтобы одному пережить непонятное томление в груди.

Кое-что Лешка уже понимал в этой жизни. Он знал, что между мужчинами и женщинами существует любовь. Что все обитающее на земле, живет парами, и от этой совместной жизни заводится потомство.

Лешка знал, как это происходит. Но все это было как-то примитивно и тупо, некрасиво, что он не мог перенести это действие на себя...

Он представлял, что любовь между людьми должна свершаться где-то в поднебесье, в цветущих кущах одним лишь сплетением рук, движением губ и блеском глаз...

...Любашка лежала на берегу, закрыв платком от солнца лицо. У Лешки перехватило дыхание. Платье у нее было задрано, почти целиком обнажая крепкие загорелые ноги.

Лешка остолбенел и стоял недвижимо над девчонкой, которую знал уже несколько лет, с которой ели из одного блюда, с которой делили одеяло на печи... А тут, на его глазах девчонка превращалась в девушку, как будто это был цветок, раскрывавший свои лепестки под солнцем.

Любашка почувствовала присутствие человека, поправила платье и стащила платок с лица.

– Ты, Леша, не на конюшню? Возьми на меня Звездку или Челку. Вместе в омуте искупаем их.

Звездка и Челка, хорошо знакомые и любимые детьми лошади, на которых возили из лесу бревна на складку, которых они кормили кусочками хлеба и купали в реке, сегодня уже не были прежними Звездкой и Челкой. Сегодня их крыли...

– Звездка! Челка! – Кричали дети, протягивая кусочки хлеба. – На-на-на!

Но лошади не отзывались, даже ушами не прядали, они, словно погрузились в какие-то неведомые людям раздумья, далекие от мирской суете, и только иногда под кожей у них пробегали нервные импульсы. Они покорно дали завести себя в деревянные станки для случки и терпеливо стояли в ожидании судьбы, изредка поглядывая на тесовые ворота конюшни...

Там, где в темной утробе конюшни, в отдельном кабинете стоял племенной жеребец Маяк, слышались глухие удары и нетерпеливый стук копыт, ржание, схожее с раскатами грозы.

Звездка и Челка отвечали на этот любовный призыв кротко и скромно...

Конюшней заведовала Лешкина мать, и все, что происходило с лошадьми, чтобы они были не только вовремя накормлены и напоены, но и покрыты вовремя жеребцом, чтобы приносить здоровое потомство, все было ее заботой..

...Было уже около полудня. У изгороди стояли несколько человек, пришедших поглазеть, как будут крыть лошадей. Тут были и мужики, и бабы, и ребятишки, словно воробы, облепившие изгородь.

Похоже, и люди вместе с лошадьми испытывали какое-то внутреннее напряжение и нервную дрожь.

Тут внутри конюшни раздались крики:

– Открывай, давай! Не удержим!

Ворота распахнулись, и на яркий солнечный свет, хрипя и сотрясая ржанием пространство, вылетел Маяк. Он весь был, как один сплошной мускул, Шея, ноги, круп... каждым движением показывали его неукротимую мощь и силу. Шерсть его лоснилась на солнце, грива и хвост струились тягучей волной.

Жеребца держали на веревках два мужика. При каждом движении коня железная узда врезалась в бархат губ и удерживала его на месте.

Казалось, с выходом Маяка мир незримо изменился. Его обволокло невидимым тягучим мороком, под который попали все: и смиренные лошади, и пришедшие поглядеть на случку мужики и бабы, и дети, облепившие изгородь...

Маяк, увидев лошадей, ожидавших его выхода, презрев боль, взвился на дыбы, оглашая окрестность торжествующим любовным призывом...

И тут Лешку кто-то дернул за порточину. Это был новый начальник лесоучастка.

– Вот что, Леша, – сказал он, прищурившись, оглядывая фигуру парнишки, – Завтра чуть свет отправляйся-ка ты в Усолье в банк за деньгами. Больше послать некого.

– Ладно, – тут же согласился Лешка, радуясь возможности совершить увлекательную прогулку и побывать в райцентре.

– Тогда пошли в контору, дадим тебе записку в банк. Котомка у тебя какнебутная есть под деньги?

Начальник еще раз оглядел Лешку с ног до головы.

– Денег много будет. На весь лесопункт зарплата, и еще с Барсуков придут к нам, да с Медвежьей... Донесешь? Сдюжишь?

– Сдюжу! Я, дядя Ваня, с мужиками бревна катал и не уступал им.

– Верю, – согласился начальник.

...Наутро чуть свет Лешка был уже в пути. До Усоля было километров тридцать пять лесными дорогами да сенокосными тропами.

Нужно было торопиться, чтобы до обеда успеть в банк. За спиной болтался рюкзак с подорожниками, мать успела испечь калитки с картошкой, выдала бутылку молока. Отец повесил на плечо ему одностволку, и дал три патрона, заряженные дробью, что сразу подняло Лешку в собственных оценках.

Он буквально летел по дорогам и тропам. Вокруг был уютный и обжитой мир, лесные поселки переходили в огороды, за огородами начинались покосы, уставленные душистыми стогами. Все вокруг было выкошено до последнего кустика и клочка травы, отчего пожни и луга казались искусственно подстриженными лужайками и манили пробежать по ним босиком и поваляться, вдыхая запахи замирающего под солнцем разнотравья.

Лешка шел тропами вдоль реки, в которой среди кувшинок гуляли стаи язей и голавлей, снова погружался в сень сосновых боров, не чувствуя усталости. К середине дня я был уже в райцентре. Он подал кассирше в банке записку и мешок.

– Поди, погуляй пока, – сказала она. – А с обеда приходи, я приготовлю деньги.

Гордый своей значимостью, Лешка, закинув на плечо ружье, пошел бродить улицами почти пустынного райцентра. Люди были или в лесу, или на сенокосе.

Он зашел в столовую, нашарил в кармане мелочь, которую дала в дорогу мать, и заказал полную тарелку щей.

Напившись чаю, Лешка снова пошел в банк. Кассирша выдала ему рюкзак, набитый пачками денег.

– Тут сто девяносто пять тысяч, – буднично сказала она. – Понесешь, так отдыхай почаще. В лесоучасток к вам я позвоню. Когда, думаешь, придешь домой-то? Ночевать где будешь? Может, в Барсуках попросишься в контору поспать, либо в Медвежьем?

– Да я добегу сегодня, – гордо сказал Лешка.

– Смотри, – сказала кассирша и закрыла окошко...

Лешка пошел в обратный путь. Не доходя до Барсуков, попался почтальон на велосипеде, мужичок лет пятидесяти.

– Я тебя узнал, – сказал он, поправляя сумку. – В Барсуках говорят, что парень из Соснового деньги несет. Люди зарплату ждут.

К вечеру Лешка был уже на середине пути. Он еще только подходил к Барсукам, как почувствовал запах жареных котлет с чесноком. И тут голод дал себя знать. Столовая еще работала.

Радостный, он взбежал по ступеням, и открыл дверь.

– Заходи! Ждем тебя, – заворковали молодые поварахи. – Звонили из Соснового. Говорили, что деньги понесешь, так просили накормить.

Лешка бросил в угол мешок с деньгами и сел за стол. Тетки поставили на стол тарелку со щами и котлетами с пюре.

– Поди в контору ночевать, – сказали молодухи, когда Лешка управился с угощением. – Там в кондейке тулуп есть, кинешь его на лавку и спи.

Лешка прошел уже километров около шестидесяти. Оставалось еще километров пятнадцать. И хотя усталость уже давила на плечи, он похвалился перед поварахами.

– Добегу, – сказал он. – Не впервой...

– Силен, – удивились поварахи.

Лешка закинул за плечи мешок, повесил на шею ружье и пошел дальше. Он даже себе не признался бы, почему он так торопится. Там в Сосновом осталось у него одно не исполненное дело.

Он обещал Любашке взять коней и покупаться вместе с ней на омуте. Он представлял это совместное купание, и его обжигало и торопило какое-то неизведанное ранее чувство...

Скоро стало темнеть.

– Все знают, что я с деньгами иду. А вдруг какой-нибудь вербованный захочет ограбить меня... Не пойду дорогами, пойду вдоль реки тропами.

И он спустился к реке. Но не прошел и пяти километров, как почувствовал, что мысли его путаются, и время от времени Лешка словно проваливался в пустоту. Несколько раз он умывался в реке, но сонливость продолжала одолевать. И вот, переходя по бревну, брошенному через высохший ручей, он покачнулся, ноги его соскользнули с бревна, и Лешка упал в траву.

...Проснулся уже утром следующего дня.

Его голова лежала на коленях у Любашки и она гладила его волосы рукой.

– Проснулся, – ласково сказала она.

Душа Лешкина взмыла под небеса от счастья.

– Это ты одним днем, выходит, обернулся? – Спросили она Лешку. – Надо было в Барсуках ночевать. Зачем в канаве-то? Мало ли чего? Коровы пойдут, наступят...

Лешка хотел сказать, что он торопился на свидание к ней. Но не сказал, постеснялся.

– Пойдем, – предложил он Любашке, – искупаемся. – Вода классная!

– Нельзя мне с тобой купаться, Лешенька, – сказала Любашка.

– Это почему? – Удивился Лешка. – Всегда можно было, а теперь нельзя. Я отвернусь, а ты зайдешь в воду...

– Нет, Леша. Все равно нельзя.

Она глянула на него ласково и выдохнула:

– Я, Леша, папу твоего люблю.

– Так я его тоже люблю...

– Нет, Леша, я по-настоящему люблю. Как женщина.

Лешка замер, пытаясь осознать сказанное. Казалось, что сияющий солнцем день рухнул на землю. В глазах стало темно.

– Ты только никому не говори. А то мамка и братья меня со свету сживут...

Лешка сидел молча, не в силах выдать из себя ни слова. Он все понял. Понял, почему уходил по вечерам отец, почему он среди рабочего дня появлялся на берегу реки с удочкой, почему так весел и радостен был в последнее время...

– Ты, иди, Леша, тебя ждут! – Сказала Любашка и слегка подтолкнула его.

Он подхватил ружье, мешок с деньгами и побрел дальше к видневшемуся на высоком берегу поселку. Слезы бежали по его лицу, и Лешка не стеснясь размазывал их по щекам.

Несколько раз встречные лесорубы и покосники спрашивали его:

– Чего, Васька, несешь ли деньги-то?

– Несу.

– Много ли несешь-то?

– Сто девяносто пять тысяч! – Машинально отвечал Лешка.

– Ого! С премиальными, значит, нынче...

– А чего плачешь?

– Устал сильно...

К началу рабочего дня он был уже в Сосновом. Начальник лесопункта, увидев Лешку, все же спросил:

– Пришел, значит?

– Пришел...

– Ну, так вот поставь мешок в кондейку к кассиру. Иди, умойся. Да приходи к вечеру за зарплатой. Тридцать рублей выпишу тебе.

Глава 3. Перед грозой

Чтобы рассказать историю этого лесного поселения, мне надо начинать повествование с тысяча девятьсот шестнадцатого года. С села Уваровки.

Данила Андреянович Житьев вернулся с германского фронта.

Он пришел при Георгиевском кресте. Во время обстрела они ушли на сторону противника и вытащили из блиндажа какого-то важного австрияка и приволокли на себе в свое расположение.

Был ему в ту пору двадцать лет. Он был красавцем писаным, черноокиим, черноволосым, кучерявым, дерзким и бойким: в кулачных делах не было его сильнее и ловчее. Да и на фронте он себя показал.

Но тут пришло ему от войны освобождение. В деревне умерли родители, не оставив после себя на хозяйстве никого...

И вот знакомый доктор в полковом медсанбате сделал ему «белый билет»: «Ты, Данила, больше на земле нужен, чем под землей... Тебе крестьянский род продолжать надобно... Иди-ка ты во свояси.»

И он пошел. А дома от родительских могил да разоренного хозяйства едва с катушек не съехал.

Вокруг царил настоящая анархия. Власти не стало. Но народ плодился, пахал свои наделы, гулял праздники...

Ждали передела земли. И это ожидание, видимо, открывало в народной стихии какую-то потаенную нездоровую энергию, которая вот-вот должна была прийти в движение. Та энергия, которую даже война не могла по-настоящему разбудить.

...Три ближайших деревни: Уваровка, Врагово и Жидовиново жили немирно. Обязательно на каждом празднике затевалась буза.

Уваровские считались самыми отчаянными.

С понедельника парни вырубали колы и замачивали их в бочках с водой, чтобы в субботу с этими колами идти гулянку к соседям. Так старики рассказывали, по крайней мере. Так это было или нет, кто теперь подтвердит, все давно к праотцам ушли.

И вот вчерашний разведчик Данила Житьев, отчаянная головушка, то ли от безделья, толи от одиночества, попал в шайку отчаянных парней, с которыми и ходил на гулянки озоровать.

Видимо, войны ему не хватило удаль свою растратить. Бывало, врываются они с разбойничьим посвистом в избы, где пировал народ, и учиняли дебош: вышибали окна и выбрасывали на улицу парней и мужиков.

«А мы ломали, вышибали

Из окошек косяки...

А неужели нас посадят

За такие пустяки...

Этот боевой клич гремел на праздничных улицах. И некому было унять распоясавшуюся молодежь.

Правой рукой у Данилы был Иван Базлеев, человек без роду и племени. Родители у него то же померли, родни не было, женой не обзавелся. Базлеев и прежде держал в страхе всю округу. Он в одиночку мог разогнать любую гулянку.

Он ходил в мягких сапогах, голенища которых собирались в гармошку. Широкие штаны напуском закрывали половину голенищ, за голенищем торчала костяная рукоять финского ножа.

На нем всегда были белые рубахи тонкого фабричного полотна, которые стирали ему вдовы солдатки-любовницы, на плечи он накидывал не застегнутый пиджак...

И вот когда этот красавец появлялся в каком-нибудь доме во время гуляки или беседы, все вокруг замирало. Смолкали девичьи голоса, стихали гармошки, и парни старались не проронить лишнего слова.

Базлеев выходил в круг, который тут же становился широким, оглядывал гулянку орлиным взором и кивал гармонисту кучерявой русой головой:

– Валяй!

Гармонист неуверенно трогал голоса.

Иван сбрасывал с плеч пиджак, быстрым движением выхватывал из-за голенища финский нож и вонзал его в половицу посредине круга.

Это было зрелище не для слабонервных.

Нож еще продолжал вибрировать, а Иван, согнувшись почти пополам, вытянув вперед руки, начинал ломаться вокруг ножа, выписывая ногами замысловатые вензеля. Гармошка набирала темп, движения плясуна становились все быстрее и замысловатее, и вдруг он выпрямлялся, вскинув руки, и тогда воздух сотрясался от рева, исторгнутого из его глотки. Это был рев дикого вепря, дикого быка или медведя, выходящего на смертный бой с соперником...

Люди буквально растекались по стенам. И не было желающих выйти ему соперником на круг:

«-Моя финка – пятый номер...

Позолоченный носок.

Если кто еще не помер,

Припасай на гроб досок...» – ревел Базлеев.

И только Леша Муранов, второй товарищ Житьева по шайке имел право плясать в кругу в Базлеевым:

«Нас побить, побить хотели

На высокой на горе...

Не на тех вы налетели

Мы и спим на топоре...»

Третьим в шайке был прибылой. Его сослали сюда откуда-то с городов. Он был не политическим, а скорее уголовным. Зайков, фамилия ему была. Он был похож на цыгана, кучерявый, на гармошке с колокольчиками играл.

У него даже наган был. А сила в нем была не меряная.

Мы не свататься приехали

Не девок выбирать,

Мы приехали подраться

Из наганов пострелять...

Эта частушка была любимая у Зайкова.

И вот они и разъезжали на базлеевской лошади по деревням и учиняли там разбои да драки.

... Чем бы все эти похождения кончились бы для Данилы Андреяновича, один Бог знает, если бы он не встретил однажды на празднике девчонку и не влюбился на раз.

Скоро уж дело к свадьбе, а такому ухорезу, кто девку отдаст? Пришлось Даниле остепениться, гулянки прекратить, за ум взяться.

А уж как женился, так уж по гулянкам стало не досуг ходить, да и не солидно с парнями женатому хороводиться.

А эта троица осталась колобродить по округе.

Наконец, жидовиновские мужики, они постарше были, видят что уварская шайка атамана лишилась, собрались: «Да сколько можно этих Уваровских терпеть!»

И вот однажды поехали Зайков с Базлеевым и Мурановым в Жидовиново. Луна светит, хоть иголки собирай.

Данила Андреевич в это время с молодой женой на перине тешится, о будущем печется, а друговья его силушку тешить едут.

В Жидовинове в одной избе был пивной праздник, в гармонь играют, пляшут.

– Базлеев говорит:

– Вот тут и попробуем пивка. А худо поднесут, без окон останутся.

Уваровские заваливаются, как всегда, с грохотом. В сенях ведра попинали коромысла. Дверь так рванули, что чуть с петель не сняли. А их не звали, но ждали уже.

Первым Зайков завалился. А ему сразу топором по хребтине. И вместе с полушубком, видно, разрубили позвоночник. Упал, застонал. У него тут же наган выхватили, чтобы пальбу не открыл. Ноги-то отказали, а руки действовали.

А следом Базлеев залетает. Видит, неладно. У него гирька двухфунтовая была в платке завязана. Он, как гирькой махнул, кому-то приложил, кровь брызнула, а с боку мужик с топором и хлестанул его. И перерубил ему переносицу. Кровь фонтаном брызнула. Он рукой зажался, кричит:

– Я отлежусь, так всех вас передавлю, как клопов...

Муранов его подхватил и потащил на улицу. Там на краю деревни вдова жила. Муж в войну сгинул. Так Базлеев порой с нею ночи коротал.

Так вот тащит Муранов Базлеева к ней, а след кровавый по улице тянется.

Муранов товарищу говорит:

– Ты, Серега, кровь глотай в себя, так, может, и не истечешь кровью-то.

Муранов товарища в дом к этой вдове затащил. Глянули в окно, а по кровавому следу мужики жидовиновские пробираются, в руках поленья. Добывать идут.

Базлеев сунулся было в печь, да там такая жара, что тут же выскочил обратно. А мужики тем временем двери с петель сорвали – и уже в избе. И на глазах Муранова забили товарища его насмерть. А самого не тронули.

Вытащили Базлеева мертвого уже, кинули в сани, поставили лошадь на дорогу в Уваровку, настегали:

– Иди, откуда пришла.

Утром уваровские видят, что лошадь к ним труп привезла. Лошадь выставили на дорогу в Жидовиново. Настегали:

– Иди, откуда пришла.

А жидовиновским передали:

– Вы убили, вы и хороните!

Целый день лошадь между Брюховым и Жидовиновым туда-сюда ходила, пока, наконец, не пошли к Житьеву:

– Может, ты товарища своего приберешь?

...А с Зайковым, которому позвоночник перерубили, вот какая история вышла.

У него в Жидовинове тоже была любовница. Вдова. Когда его выкинули на снег помирать, она подошла лошадь, подхватила цыгана этого в сани и повезла в земскую больницу. Там врачей не было тогда, всем занимался фельдшер Люсков. Вот она к нему и привезла своего дружка.

Люсков потом, время спустя, и рассказывал:

– В ту ночь была полная и невероятно яркая луна. И вот привезли травмированного человека. Мы подняли его на второй этаж, обработали, положили на кровать. И в это время на улице раздался шум. Подъехали в розвальнях мужики и стали подниматься в стационар.

Я пытался остановить их, но они меня оттолкнули, прошли в палату и выволокли за ноги этого Зайкова. Нижняя часть туловища у него не действовала. Но он зацепился руками за баля-

сины лестничных перил, и, видимо, в его руках была такая сила, что несколько человек не могли его оторвать, он так и собрал эти балясины сверху донизу в одну кучу.

Зайкова и Базлеева, не смотря на злодейства, учинявшиеся ими, отпели в церкви по христианскому обычаю, и похоронили под одним крестом.

Остались на белом свете всего двое из друзей – ухорезов: Житьев с Мурановым. Вслед за Данилой и Муранов женился, дети пошли безостановочно. Один за другим.

А тут начались такие события, что удалство свое пришлось позабыть.

По-другому запела деревня:

«Сидит Ленин на телеге,

Два нагана по бокам...

Разделить в деревне землю,

Он решил по едокам...»

Глава 4 Тревога в Уваровке

Было это уже в 1931 году. Комитет бедноты заседал в Уваровке весь день. Из района пришла разнарядка на переселение из Уваровки в северные края двадцати восьми семей из трехсот проживающих в селе.

Выбирали тех, кто побогаче, чтобы не мешали коллективизации, да тех, в чьих семьях было побольше мужиков. Молодой стране Советов нужны были в малолюдных, но богатых ресурсами районах, молодые сильные руки...

Спорили до посинения, накурили, намажюкались, прихватили и ночи. Все-таки непросто было разрывать веками сложившиеся отношения в хуторе. Тут уж не разберешь кто сват, кто брат, кто деверь, кто свояк... Считай, весь хутор родственными связями переплетен.

Однако зависть да жадность не признает ни каких уз: ни кровных, ни дружеских, ни соседских. А соседских – тем более. Нет ничего тягостнее межевых споров, сколько страстей кипело всегда на межах? И косами секлись и топорами махались...

Когда это было еще?

Может быть, накануне гражданской, когда жаждали и ждали передела земли... Вот тогда ожесточение друг против друга, кажется, достигло предела... И покатила колесница гражданской войны из конца в конец бескрайней матушки России. Умылась она кровью людской и не только умылась, по колена зашла в эту кровавую Лету...

Но только разделились, только продотряды, вышли из деревень и хуторов, как пришел НЭП. Новая экономическая политика, открывшая ворота народной инициативе и предприимчивости.

У Данилы Андреяновича с Авдотьей Ивановной наплодилось пятеро сыновей да дочь. Данила Андреянович сумел хорошо подняться во время НЭПа. В хозяйстве – пасека на пятьдесят семей, водяная мельница на ручье, три лошади, пять коров, сад, приличный запас пшеницы... Но и трудиться приходилось с утра до ночи. Не разгибаясь...

И вот Данила Андреянович со своей семьей попал в списки выселенцев. Он еще не знал этого. Ночь провели, хоть и тревожную, но все же не верилось, что их многодетную семью тронут с места.

...На следующее утро хутор потрясла страшная весть. Ночью неизвестные порубали комбедовцев пашками и сбросили в колодец.

А еще через день хутор огласили душераздирающие вопли женщин. В хутор вошли чекисты с тачанками и пулеметами. Началось выселение.

У чекистов были на руках списки на выселение. Видимо, комбедовцы успели передать их в район с нарочными.

И вот ранним утром к дому Житьевых подкатила тачанка с чекистами и подвода, предназначенная для перевозки семьи на железнодорожную станцию.

Вся семья была в сборе кроме старшего сына, которому уже минуло пятнадцать годов. Николай был в соседнем хуторе на беседке. У него даже зазноба была – поповская дочь.

Чекисты с народом не церемонились. Зачитали решение несчастного комбеда, нашедшего свой конец на дне заброшенного колодца, о переселении семьи Данилы Житьева в северные края. И смело вошли в хату.

– Возьмите с собой только все необходимое, – сказал жестко чекист из города. – Там на месте размещения вам выдадут все, что потребуется. Ваши вещи, инструмент, предметы обихода, все будет описано и отправлено на хранение до востребования.

– А животин куда? Подыхать оставим? — Хмуро спросил Житьев.

– Скот, мельницу, пасеку Советская власть у вас реквизирует, о чем так же будет составлен соответствующий документ.

...Да, не тот уже стал Данила Андреевич, георгиевский кавалер, атаман уваровской шайки. Засосало его в болотину хозяйственных забот, пятнадцать лет копеечку к копейке собирал, свое хозяйство поднимал, о детях пекся, жену голубил...

И только бы все на лад пошло, как новая беда свалилась на крестьянские головы: коллективизация, переселение...

Нет больше у Житьева воли сопротивляться обстоятельствам. Не бодаться теленку с дубом. Себя бы сохранить для того, чтобы сохранить семью и ребятишек. Поэтому, опустил он некогда буйную головушку, принял покорно судьбинушку.

А вот Авдотья Ивановна подчиниться приказу не пожелала, напялила на себя шубу, коты, полушалок. А жара стояла невероятная.

Выкатилась она с ребятишками и узлами на двор, а в узлах увязаны уже самовар, посуда, постельные принадлежности, перина и подушки...

Тут на нее чекист налетел.

– Куда-ты, баба дурная, прешься с этим скарбом. Сказано: только необходимое.

Ухватил он Авдотью Ивановну за рукав и принялся стаскивать шубу. Не выдержала Авдотья такой бесцеремонности, оттолкнула чекиста.

А тот снова налетает коршуном, за рукав стягивает шубу. Видно, самому поглянулась шуба-то.

– Люди добрые! Грабят среди бела дня! – Заголосила она от отчаянья. – Кто-нибудь, помогите!!!

Некому прийти на помощь Авдотье Ивановне. По всему хутору то тут, то там плач бабий волнами плещется из конца в конец, а вслед за ним и дети от страха ревут.

Свои Житьевы принялись рыдать:

– Мамка! Боимся, мамка! Куда нас?

Данило Андреевич в хате сидит, бумаги подписывает, белый, как мел, так зубы сжал, что зубы крошиться начали...

А тут во двор старший сын Никола забегает. С гулянки пришел. Парень уж в пору вошел, в плечах – косая сажень, уже наработался по хозяйству, силы набрал. А характер, что сам Данила Андреевич в молодости. Бедовый.

Видит, Николай, что чекист его мамку треплет, налетел на него, сбил с ног и пинать принялся.

– Убью, за мамку убью, гада! — Заорал он в ярости.

На него навалились чекисты, но Никола раскидал их, как снопы кидал на гумне.

Выскочил на крыльцо Данила, да одумавшаяся Авдотья, бросилась на него и связала своими руками его руки, вздувшиеся каменными буграми мышц.

– Данила! Остановись! Дети у нас.

Чекисты заломали, наконец, Николу, связали веревками.

– Вывези его в лог и пристрели, как собаку, за сопротивление властям, – сказал старший чекист вознице.

Николу подтащили к повозке и опрокинули навзничь в телегу.

Авдотья рухнула без чувств. Вновь дети заголосили так, что тошно небесам стало. Телега, заскрипев, выехала со двора.

– Мамка, тятя! — Прокричал Никола. – Не поминайте лихом!

И снова окрестность огласилась рыданиями.

Немного времени спустя в логу сухо лопнул выстрел.

– Все, дети, потеряли мы Николу, – выдохнул горько Данила Андреевич и отвернулся, чтобы дети не видели его слез...

Глава 5. Дорога на Север

Набралось десятка три подвод с несчастными переселенцами. Они скорбно ехали по тракту под конвоем чекистов. Пулеметы хищно нацеливались на людей, которые потеряли волю сопротивляться, Даже дети перестали плакать.

В полном молчании прибыли на станцию, где их ожидал эшелон с телячьими вагонами, разместились и под конвоем опять же тронулись в путь.

– Скорей, скорей, – стучали колеса.

Мелькали полустанки, станции, плакаты на зданиях: « Дашь, индустрию!», котлованы будущих заводов, вереницы людей с тачками в непрерывном движении. Страна напоминала разворошенный муравейник.

Сталин торопился: война вот – вот придет на порог. Это будет война моторов и машин... Страшная война на уничтожение.

Через несколько дней эшелон пришел в старинный городок, на краю которого стоял величественный монастырь за высокими каменными стенами, превращенный в пересыльный лагерь.

Еще через день к монастырю подошла баржа с буксиром, и Житьевых вместе с другими выселенными уваровцами погнали на баржу.

...Все еще стоял июль. Было тепло и красиво. Ночью звезды отражались в реке и, казалось, что это спасительный ковчег Ноя плывет Млечным путем в бездонном космосе.

Туманными утрами слышно было, как в заливах бьется рыба, гогочут гуси и крикают утки.

С рассветом переселенцы увидели, что баржа плывет в высоких берегах, обрамленных золотыми сосновыми борами. Время от времени леса расступались и взору являлись северные деревни с огромными, рубленными в лапу домами в два этажа с мезонинами по двенадцать и более окон по переду.

Такое богатство трудно представить степному человеку. Под одной крышей были тут и хозяйственные постройки и скотный двор и сеновал...

Часто к хозяйственным постройкам примыкал еще один точно такой же дом. Зимовки, бани, амбары, поленницы дров, сложенных шатрами, стога сена окружали жилища. В реке по грудь в воде стояли коровы и лениво жевали жвачку, равнодушно разглядывая переселенцев. Стада овец ходили по берегу, ребятишки с радостным гомоном плескались в реке.

И постепенно тревога и отчаянье стали уходить из сердец степных крестьян.

– Вот это жизнь! – вздыхали уваровцы. – Ишь, как основательно здесь крестьяне живут.

– А за счет чего? Говорят, земли здесь не больно плодородные.

Сопровождавший их комендант будущего поселения, он из учителей направлен был на эту работу, погордился:

– Здесь никогда не было крепостного права. Здесь люди вольные жили. Раньше как было: уберут урожай, реки встанут, сбиваются в артели и – за Урал в Сибирь соболя ловить. А соболю он покруче золота ценился.

– Вот как, – дивился народ.

– Да так всю Сибирь и прошли до Тихого океана. А потом и океан не преграда, перебрались на Аляску, в Калифорнию.

– Это ж надо характер иметь за десять тысяч верст харабродить вдали от дома... Что за дивный народ? А свои богатства не тронуты.

– Здесь – Север, граждане переселенные. Климат суровый. Здесь выжить можно только сообща. И землю у леса отвоевать, и дома построить, от врага оборониться. Все обществом, соборно, артельно.

... На третий день буксир притащил баржу в еще более древний городок, в котором, казалось, церковью было больше, чем домов.

Переселенцев перегрузили на этот раз в маленькие карбасы и бечевой потащили дальше по маленькой речке Дороманке.

С одной стороны над рекой нависали могучие сосны, порой берега ее осыпались и корни деревьев обнажали свою державную суть... Иная сосна не выдерживала и падала с высоты береговой кручи, почти перегораживая реку. На другом берегу буйствовали многоцветьем заливные луга. Пчелы сновали над рекой, нагруженные тяжелыми взятками нектара.

– Прежде, – рассказывал комендант, – эти луга были монастырскими огородами и местом для рыбной ловли, о чем свидетельствовали перекопи, ведущие из реки к потаённым луговым озерам. Теперь монастырь закрыли. Ценности его реквизируют на нужды индустриализации, а монахов отправили строить социализм.

Через несколько километров переселенцев высадили на небольшой полянке среди дремучего сосняка, которому было ни как не меньше трехсот лет.

Охрана куда-то исчезла. Ночевали в шалашах. Готовили на кострах. Купались в реке.

Впервые за все это время Данила услышал детский смех.

Наутро приплыли на лодках местные мужики, комендант, привезли топоры, пилы инструменты. И тайга огласилась визгом пил, звоном топоров и треском поваленных сосен. Хотя многим степнякам пришлось учиться плотницкому и лесному делу.

– Здесь, – сказал веселый улыбчивый комендант, – будет поселок лесоучастка, в котором и предстоит жить вам – будущим лесорубам. Вы, верно, и леса еще настоящего не видавали. Назовем этот поселок Сосновым. Здесь на десятки километров нетронутая тайга. В тайге зверя полно, в реке – рыбы.

Не какой-нибудь, а стерляди. Огороды разобьете, покосы расчистите, скотиной обзаведетесь. Так что, не пропадете. Еще вам государство и деньги будет платить за работу. Хорошие деньги! Будете, как сыр в масле...

Люди, собравшиеся вокруг улыбчивого коменданта, слушали и не верили в счастливое будущее. Сомневались. Насильно нельзя сделать людей счастливыми.

Но пространство будущего поселка преобразалось на глазах. В первую очередь срубили просторную баню.

На понтоне притащили дизельную электростанцию, поставили столбы, протянули провода, запустили лесопилку.

Баракы уже стояли под крышами, когда из-за Медвежьего болота через гать пришли местные кирпичники, отец с двумя сыновьями. Они подрядились сделать кирпич для печей. Им выделили помощников из переселенцев, поставили задачу: к сентябрю кирпич должен быть готов.

Старик кирпичник обошел с лопатой берег, и забил в одном месте колышек.

– Здесь глина та!

Сыновья с помощниками сняли дерн, под которым лежали пласты красной глины. В эту глину возили бочками воду, с пилорамы доставляли опилки, по всей вскрытой площади водили лошадей, которые перемешивали глину с водой и опилками.

Тем временем изготовили рамки для формовки кирпичей и стеллажи для сушки.

На обжиг собралось все будущее население. Вкруг просохших кирпичей были выложены дрова и подожжены. Пламя лизало небо, видно было через сгорающие дрова, как кирпичи становятся красными, алыми, розовыми...

Наутро приступили к кладке печей.

Глава 6. Беглец с того света

Года через два дождливой осенней порой семейство Житьевых, отужинав, расплзлось, кто на печь, кто на родительскую кровать, кто на полати.

Данила Андреянович, вернувшись из леса, точил свой инструмент – пилу лучковку. Это большое искусство – наточить пилу и сделать меж зубьев ее такой развод, чтобы иголка, положенная в самом начале полотна, проскользнула до конца его без помех.

Зато и пила шла в древесину, как нож в теплое масло. Очень скоро Житьев стал выполнять две нормы за смену, потом три...

Его портрет вывесили на Доске Почета в районе, о нем писали в газетах, как о стахановце.

Прав оказался комендант. Деньги в лесной отрасли, в отличие от сельского хозяйства, работники получали очень даже неплохие. Разбили переселенцы огороды, на которых всё на удивление росло в большом изобилии. А уж на рыбалке Данило Андреянович собаку съел. Никакой выходной без рыбников со стерлядкой не обходился. Корова в хозяйстве появилась – что не жить?

А между тем на родне свирепствовал голод. Приходили какие-то мрачные отрывочные слухи. И порой у переселенных уваровцев рождалась мысль, что это переселение спасло их и их детей.

А у Житьевых уже сыновья поднялись. Трое в лесу с отцом пробовали силы сучкорубами. Одно плохо, школы нет.

Младший Егор ушел в город учиться, прижился у брата Данилы Андреяновича Петра Андреяновича, который жил одиноко, работал на запани, составлял плоты для буксировке по рекам, и в этом деле проявил себя большим мастером. А вслед за Жоркой ушли и другие Житьевы за образованием да женихами.

А тут были каникулы, все у родителей собрались. Дочка читала книжку былин про богатырей:

– Здравствуй и ты, крестный батюшка, славный пахарь Микула Селянинович, – отвечал Илья Муромец и поведал-рассказал о кончине Святогора-богатыря.

Подошёл Микула Селянинович к малой сумочке перемётной, взялся одной рукой, поднял котомочку от сырой земли, руки в лямки продел, закинул сумочку на плечи, подошёл к Илье Муромцу да и вымолвил:

– В этой сумочке вся тяга земная. В этой сумочке я ношу и тягость пахаря-оратая, и хоть какой богатырь ни будь – не поднять ему этой сумочки.

Данила Андреянович даже свой инструмент отставил. Это откровение поразило его.

– Вот как правильно сказано-то. Ни кому этой земной тяготы не поднять, кроме крестьянина. На нем вся тяжесть нынешняя. Он страдает... Мы то что? Раскрестьянили нас. Пролетарии. Пролетариям – почет и уважение. А с крестьян три шкуры дерут... Со света сживают. Скоро некому будет земные тяготы нести.

Авдотья Ивановна перекрестилась на красный угол и поправила свечку перед Николаем угодником, вспоминая старшего своего, безвинно погибшего Николу Даниловича.

– А ты, Авдотья, погоди убиваться, – сказал, понизив голос, Данила Андреянович, чтобы не слышали дети. Думается мне, жив он.

– Как жив? – Вскинулась Авдотья.

– А так. Пуля, которой стреляли в него, ушла ветер искать. Уж я – то знаю, как пуля в человека входит. Тут совсем другой звук был в логу-то. Жив, Николай. Дай, срок. Объявится.

– Так уж два года минуло.

– Объявится.

И верно, Данила Андреянович оказался провидцем. То ли какая существует связь между родственными людьми, невидимая и не осязаемая, но все эти годы жила в его сердце уверенность, что старший его, Никола, жив и соединится рано или поздно с семьей.

Не говорил никому, боялся, что чекисты примутся искать воскресшего человека.

...Прошло еще немного времени, и поздним вечером в окошко Житьевым постучали.

Замирая сердцем, Авдотья отодвинула занавеску и тут же села на лавку.

– Микола! – Прошептала она, лишаясь чувств.

Это и в самом деле был их старший Николай.

Он пришел из городка, куда добирался несколько суток, ночуя по деревням. Пароходы уже не ходили.

– Да как хоть ты нашел то нас. Мы ни кому не писали, да и некому особо писать. Всех родных из Уваровки выгребли, – хлопотала мать, собирая на стол.

– Вас теперь искать не трудно, – отвечал Никола. – Вот газеты про батьку пишут: ударник. – И он вытащил из нагрудного кармана сложенную газету. – Как прочитал, так сразу и поехал в вашу глухомань...

– Да где был-то?

– В Воронеж от голода бежал, сначала на мясокомбинат взяли бойцом, потом в Тулу перебрался. Я бы у вас остался, так по вашим спискам меня, поди, уж и в живых нет.

– Да, Микола, – сказал отец. – Мы тебя числили потерянным. И в списках переселенческих тебя чекисты вычеркнули, как расстрелянного. Но я-то чувствовал, что ты жив, в тебе не одна жизнь заложена.

– Да как хоть, скажи, спасся? Ведь на расстрел, тебя, голубчика, повезли. И я тебя грудью заслонить не смогла. – Заплакала мать.

– Да я вознице сапоги свои предложил, если отпустит. А тот и говорит: «Зачем мне тебя отпускать. Ты – враг народа. А сапоги я с тебя и с мертвого стащу.»

– Ой, и злодей! – Всплеснула Авдотья руками. —Сколько зла на земле Бог попустил. – И она начала истово креститься на иконы.

– Ну, и как договорились? – Данила Андреянович включился.

– А я ему, вознице, и говорю: «Да как ты будешь потом жить с этим. Ночью сапоги поставишь под кровать, а я и мертвый за ними приду... Схвачу тебя за бороду. Верни... Не тобой нажито...»

Тот подумал, подумал: «Сымай сапоги. И тикай по логу. А для верности я пульну в овраг, а ты тикай.» Вот так, мамка, тятя я и втик.

А потом голод! Это, мамка, представить трудно, что было. Люди как мухи по осени мерли, дети, старики... Счет, говорят, на миллионы шел. Хоронить не успевали.

Все, что было у колхозов в закромах, выгребли силой, оставили на произвол судьбы.

Отряды с винтовками и пулеметами в каждой станице, в каждом хуторе. Колхозников били, ставили к стенке, жгли пятки, чтобы выведать, не запрятана ли где у них пшеница...

.В одном хуторе двух колхозниц, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили бежать к хутору рысью.

В соседнем с ним колхозе людей били шашками, раскрывали колхозниками крыши и разваливали печи, как у саботажников.

Я все переживал за вас: как вы там с такой оравой... Нашел, слава Богу!

– Ну, теперь-то вместе. Чего-нибудь да придумаем, – сказал успокоенно Данила Андреянович. – Комендант у нас – человек.

За темными окнами начинался снегопад, скоро выбеливший и обновивший хмурый осенний мир.

Глава 7 Две десятилинейные

Санко Ястребов, простой деревенский мужик, плотник, единственный на всю округу строитель мостов и устроитель плотин был приговорен к расстрелу.

За год же до того события у Санка умерла жена, оставив на его попечение двоих детей, одного четырех лет, а второго – шести.

Санко стал присматривать себе жену.

А и смотреть было нечего, у него в батрачках работала соседка, Платонида. Скотину Санкову обряжала, коров доила, огород вела, за детишками присматривала, пока Санко на своих мостах и плотинах пропадал.

А надо сказать, что красы Платонида в свои шестнадцать лет была неопикуемой, парни из-за нее с ума сходили и бились смертным боем.

Да и мужики мимо не могли без вздоха пройти. Вот какая была Платонида – Платошенька, русокошая, голубоглазая настолько, что можно подумать, что ее мать подобрала в цветущем льне..

И вот, когда Санко свободен стал, и жениться замыслил, то лучше Платониды жены себе не увидал. Хоть и молода была Платошенька, хоть и в батрачках числилась и за любую грязную работу бралась, но строга была и независима. Пройдет, бывало, с ведрами мимо королевой, да так пройдет, что у Санка дух займется.

И вот когда стало невмоготу, когда понял, что на четвертом десятке влюбился напрочь, не вздохнуть, ни выдохнуть, пал в ноги батрачке своей:

– Платошенька, свет мой ясный! Люблю, и век любить буду. Пойди за меня.

Это было в пору коллективизации. Санко справно жил, для кого-то и завидно. Какой еще доли искать батрачке безземельной. И мать натакала: иди, дочка, не сумлевайся.

Так вот Санко Ястребов зажиточный мужик, устроитель мостов и плотин, справлял с юной Платонидой Егоровной свадьбу.

Всего у него было в достатке. И денег, и коров пяток, и лошадей пара, и земля.

Позвали гостей, наварили пива, напекли, нажарили всего. Свадьбу смотреть, была такая традиция, собралось народу с нескольких деревень.

Гости за столами сидят, а зрители в избе, в сенях, на печи, на полатах, на завалинах, в окна пялятся.

Богатая свадьба. Две десятилинейные керосиновые лампы под абажурами сияют.

Это же какое богатство: десятилинейные! Завидки берут. Семилинейных-то в деревне не было...

Вот свадьба идет чин чинном. Гости пьют и закусывают, смотрящие – глядят.

И были в сенях при раскрытых дверях среди смотрящих братья Харины.

Эти были в деревне активистами новой власти, агитировали народ в колхозы вступать, и к Санку Ястребову относились с недоверием. Тот как-то уклонялся от разговоров о колхозной жизни.

И вот этих братьев стали завидки забирать от сияния десятилинейных. Один из Хариных, Ванька Кривой, стал подбивать Колесенка, придураковатый малый такой был на деревне: все время рот – на огород и сопля на щеке:

– Мол, чего они тут разгулялись! Ни пива не поднесли, ни пирогов. Щелкни-ка ты им по лампам батогом!

Колесенок с дурной головы и выскочил, лампы у Санка побил. Все заорали, заскакали.

А Санко схватил ножик, столы перепрыгнул. Платонида метнулась перехватить его, да схватилась за лезвие рукою и всю ладонь разрезала. Кровь так и брызнула!

А Колесенок, видит, что неладно сделал, бросился бежать, прятаться.

А Санко нагнал его в сеновале, повалил. Слышали было только, как Колесенок вскричал: « Не губи, Санко, прости! ». Потом захрипел.

Санко его на раз, как поросенка завалил.

... Свадьба распалась. Завязалась драка. Кто за Санка, кто против его... Зеваки меж собой схватились. И пошло, и пошло, как пожар полыхать. Кто с кем бился, за какую правду, не знают. Эта драка на соседние деревни перекинулась. И там пошло противоборство.

Кто победней – на колхозы смотрел с надеждой – одну сторону взял, кто побогаче – другую.

Надо сказать, что напарник Санка по строительству мостов, Василий Егорович Долгоусов, в драке не участвовал, отошел в сторонку и глядел только, как народ друг другу носы квасит. Но куда от судьбы? Оказался едва ли не главным ответчиком, когда началось судебное разбирательство.

... Вот через неделю едут уполномоченные представители для разбирательства. Три человека. Собрали сельский сход.

Братья Харины – активисты стараются вовсю. Посадили на скамейку Санку Ястребова.

– Он против колхозов агитировал! – Ванька Харин поднялся. Даю показания.. – Он и Колесёнка, бедняка, убил по классовым соображениям. Да он не один тут воду мутит. У них тут целая банда кулацкая.

– Назовите поименно, – из президиума просят.

– А вот Василий Егорович Долгоусов.

Василий Егорович сидел как раз в первом ряду. Его так же кормило ремесло мостостроителя, и в он колхоз не собирался.

– Долгоусов то же от колхозной жизни уклоняется.

И еще какого-то мужика приплели.

– Агитация против колхозов – преступление. Только враги народа могут против коллективизации выступать. – Сказали из президиума.

И пошло-поехало. Про Колесёнка забыли уже. Кто-то обиженный в драке из зала кричит:

– Расстрелять их!

Еще синяки да ссадины от минувшей драки не сошли, отмщения требуют.

И постановили собранием: к расстрелу всех троих. И Санка, который свадьбу справлял, Колесёнка убил и драку учинил. И Василия Егоровича не за что, не про что, и третьего мужика, смутьяна, якобы.

В зале аплодисменты. Уж кто там аплодировал, кто голосовал – неизвестно. И голосовал ли кто...

И вот кричат из зала:

– Правильно. По душе! Так и надо.

Осужденных – под конвой, и повели на выход из деревни.

Пол деревни провожать пошли. И Платонида с ребяташками Саньковым. То ли жена, то ли невеста, то ли и вовсе – батрачка... Не верилось, что вот так возьмут и расстреляют.

Вот сели на околице и конвоиры, и приговоренные, закурили.. Чего делать, никто не знает, И в самом деле не расстреливать же теперь их. Поорали на суде, и хватит...

И тут нашелся один поумней среди уполномоченных:

– Расходитесь товарищи. Надо их в уезд вести, и судить по закону. У нас сейчас – мирное время. Военно-полевых судов нет.

Тут все, кто провожал и горевал, и кто жаждал расстрела – обрадовались. Жалко мужиков-то, хоть и кричали некоторые: «К расстрелу!»

И повели их в уезд на суд. А до города сорок километров.

Никто не дал подводы везти осужденных. Скоро конвоиры устали, осужденным винтовки передали, чтобы те дальше сами несли свое расстрельное оружие.

К утру пришли в уезд. Вот суд начался.

– В чем вина этих людей? – спрашивает судья.

– Агитировали против колхоза. Сход решил требовать расстрела.

А про убитого Колесёнка и забыли все.

– Агитация против колхозов – серьезное преступление. – Сказал судья. – Только какие они агитаторы. Они и расписаться не умеют. Дадим им по пять лет каждому и довольно...

...В тридцать втором уже Василий Егорович вернулся в деревню с лесоповалов. Колхозы уже были созданы. А он остался помимо колхоза, не вступал. Да не особо и звали.

Санко Ястребова с лесоповала перегнали в Сибирь за дерзость. Ни письма, ни весточки. И только в сорок втором кто-то из фронтовиков принес в деревню весть: погиб Санко в Синявинских болотах, защищая родину от врага.

А Василия Егоровича Долгоусова на фронт не взяли. Не дал председатель колхоза. «Если вы его заберете, нам никуда не бывать!»

Он остался единственным на всю округу мастером по строительству и починке мостов. Вот у него-то в северной вологодской деревне и нашел Николай Житьев работу и пристанище.

Глава 8. Платонида – краса

Хорошо живет Василий Егорович Долгоусов.

И скотинка во дворе мычит да блеет, петух кричит. Сад-огород. Специалист единственный на всю округу. Устроитель мостов. И Никола Житьев при нем в подмастерьях. Есть чему поучиться.

И тут однажды приходит к Долгоусову молодая женщина. И такая она красавица, что у Николы Житьева поплыла голова. Чувствует, еще немного и вовсе себя потеряет.

Что за чары невидимые распространяют вокруг себя эти женщины? Попадется навстречу такой красавице мужик либо парень – атаман, ухорез, забубенная головушка, который с роду никому ни в шапочку, от одного взгляда которого соперники ниже травы, тише воды становятся, а красавица только бровью поведет – и нет больше атамана и ухореза. Есть послушная покорная овечка.

– Нет ли тебе, Василий Егорович, вестей каких от сотоварища твоего Ястребова. —Спрашивает она удрученно.

– Нет, Платошенька ни единой вестиночки. Как угнали его из Архангельской тайги в Сибирь, так, как в воду канул. Трудно ему с таким характером выжить в лагере. Он, Платошенька, трудно. Где бы голову склонить, он ее подымает...

– А мне – то куда, Василий Егорович, деться? Ни жена, ни вдова, ни невеста. Из-за свадебного стола да в кутузку. Как была батрачкой в его хозяйстве, так и осталась батрачкой. Детей в детский дом прибрали.

– Вот уж не знаю, Платошенька, – отвечает Василий Егорович. – А ты замуж выходи. Я бы тебя взял, да стар уж я для тебя. Вот разве помощника моего завлечешь?

А чего завлекать, коли вот рядом за столом сидит Никола Житьев уже завлеченный? С языком деревянным.

– Мне бы, Василий Егорович, поросенка забить надо, – говорит Платонида.

– Шкуру сдавать надо, да и налог заплатить. Надо так делать, чтобы никто не спроведал. Иначе фининспекторы тут же припрутся.

– Завизжит поросенок-то, все-равно услышат.

И тут Никола язык во рту отмочил:

– Я зарежу. У меня не пикнет.

Посмотрела Платонида на Николая оценивающе и говорит:

– Я не знаю, как вы это сделаете. Но пойдете ко мне на двор, покажу поросенка.

...Поросенок был не велик. Николай наносил в бочку воды, окунул в воду поросенка и в воде перерезал ему горло. Без единого звука прошла все эта операция.

Платонида отрезала хороший кусок мяса Житьеву за старания. И потом всю жизнь почему-то сожалела, что мало мяса дала.

Хотя Долгоусов с Житьевым не успели это мясо на щипки переварить, как любовь установила свои порядки.

Николай перебрался на жительство к Платониде. Но проблема осталась: кто такой этот Житьев? В переселенцах не числится, никогда в этих краях не жил, в общем, неизвестно откуда взявшийся человек.

То и дело, прихватят его «органы» – и каталажку. Кто такой, откуда взялся. Так они его бы пристроили: в России много мест, где рабочие руки нужны. Или в Сибирь, или в Архангельск на лесопильный комбинат...

Но тут же Платонида бежит выручать его. Придет к начальнику милиции и в слезы:

– Это хозяин мой, ребенка жду от него!

Отпустят.

Потом другой начальник приходит: «Кто? Откуда?».

Опять Николу схватят и – в каталажку.

Опять Платонида бежит спасать. А к Платониде особое доверие. У нее в документах написано, что она «батрачка». А ради батраков и рабочих все революция сделана.

Долго разбирались, пока не внесли Николая Житьева в списки спецпереселенцев и не отправили работать в лес в Сосновое.

А вслед за ним и Платонида оставила дом Санки Ястребова и за Житьева потянулась в поселок спецпереселенцев.

Зажили хорошо, не богато, но хорошо. У всех огороды, все переженились, живут дружно, из поселка в поселок в гости ходят. Молодые, когда и порадоваться жизни, как не в молодости.

Работать от души и плясать от сердца...

Появился в Сосновом земляк из Уваровки Алексей Муранов, дружок Данилы, который по 24 кубометра древесины в день заготавливал. Это восемь дневных норм!

Как этот Мурпнов лес рубил! Приезжали с Москвы записывать и снимать передовика, опередившего далеко всех остальных стахановцев.

Очень хороший лес тогда был. Этот Муранов делал завал, потом брал здоровенный кол, и до середины дерева он колом сшибал сучки. И уж потом только брал топор.

Сильный был человек. Их не сразу приняли в здешний леспромхоз.

В 31 году привезли пароходом на Выползово. Директор леспромхоза вышел: «Это кто? Украинцы? Украинцев нам не надо, они работать не будут», – сказал.

– Да русские мы, русские.

– Все одно хохлы.

Ну, и повезли их в Костромскую. А когда по газетам стали узнавать, что они стахановцы, перевыполняют нормы, нынешние стали возмущаться: «Костромичи забрали наших людей. Верните их. Они по разрядке нам назначались.»

Ну, а костромичи не отдают. Вербовщика посылают туда в Костромскую область:

«Вот, дескать, – вы наши. Мы вас хотим забрать, у нас все есть. А здесь у вас школы нет, а у нас школа рядом. Дети в школу будут ходить».

Наши говорят: «А как же мы с сундуками?».

«Да мы дадим вам сколько угодно подвод. Проблем нет, привезем.

И вот Алексей Муранов принял решение о переезде на Вологодчину. Считай, вся Уваровка воссоединялась.

... Жизнь пришла очень красивая, народ целомудренный был... Все работали с радостью и в лесу, и дома: кто сарай рубил, кто хлев, кто погреб...

Собирались жить долго и счастливо.

Глава 9. Осенний карбас

Пошло возрастать родовое древо Житьевых, ветви выбрасывать в разные стороны и края матушки России.

А кто еще малым листочком этого древа трепетал на ветру. этого древа. От Андреянова корня сколько уже наплодилось Житьевых? Не счесть. Не зря враг говорил, что из русской деревни народ не вычерпать никогда.

У Николая с Платонидой первенцем стала Клавдия, потом Алексей, потом родился Николай, за ним Катюшка. Успели расплодиться...

Лешка впервые ощутил себя на этой вот речке Дороманке. Он помнит яркий солнечный свет, блики на воде, прыгающие тени. Люди ловят из реки рыбу и бросают ее в ведро. И все смеются и радуются. Лешка еще не мог по-настоящему ходить. Но он помнит, как полз по галечнику, Галечник был теплый и манил разноцветьем. А потом Лешка ухватился руками за ведро и приподнялся. В ведре, играя солнечными бликами, плескалась рыба. Лешка наклонил ведро и оно опрокинулось. Вода, сверкая, побежала к реке и рыба, она была пятнистая, упругая и сильная, тоже устремилась к реке.

И Лешка рассмеялся. И все, кто был вокруг, засмеялись.

И более он ничего не помнит из этой истории.

А потом уже в отпечаталась в сознании другая картина. Лешка уже одетый, стоит на берегу реки, а с той стороны через брод идут его родители с полными корзинами ягод. Это была черника и малина. И они переходят по сверкающей бликам реке и угощают детей ягодами.

– Кушайте, дети, ягодки сколько сможете. Это вам подарок из леса от зайчат и лисички.

...Река, она как живое существо, работное, строгое, ласковое, обильное присутствует во всей жизни. Батя прислал ему с фронта моток лески и крючки в конверте. Где он взял их на Ленинградском фронте? Уму непостижимо. Они стояли на Вороньей Горе.

До сих пор в интернете можно найти хронику, рассказывающую об артиллерийском расчете братьев Житьевых, умело бьющих врагов. Их было пятеро. В числе их и отец Лешкин. Он уходил весной сорок второго вместе со всеми мужиками Соснового, прежними уваровцами.

Много лет спустя в эти края приехала бригада кинодокументалистов во главе с известной тогда журналисткой Светланой Сорокиной. Они снимали фильм «Не поднятая целина», который должен был подготовить политическую почву к введению земельного рынка. Проще сказать, земля в России должна была стать предметом купли продажи и далее перейти в собственность олигархического капитала.

И вот съемочная группа искала свидетельства ужасного сталинского режима и раскулачивания. Приехали они и в Сосновое. Пришли к Алексею Житьеву в его крестьянское хозяйство.

И какое же у них было потрясение, когда с порога, проходящие люди, переселенцы и их потомки заявляли, что они все сплошь сталинисты.

До сих пор потомки этих спецпереселенцев благодарят Сталина, его политику переселения, которая спасла их сначала от голода 30-х в южных регионах, потом от оккупации. Те территории, на которых жили вчерашние уваровцы, стали местом ужасных боев, потом от мясорубки первого года войны, перемоловшей регулярную армию, а спецпереселенцев начали брать на фронт только в 42 году, потом от голода 48 года.

И, верно. Какие замечательные росли в Сосновом овощи на огородах! Ни каких вредителей не было: ни тли, ни бабочек капустниц, потому что лес сосновый кругом, а сосна обладает особыми бактерицидными свойствами. Репа росла удивительная! Сорняков тоже мало было, потом уж, прошли десятилетия, сорняки развелись.

...И вот война, словно подкосила всех. Затихли на улицах песни, не стало гуляющей молодежи, резвящихся детей. Печаль и озабоченность легла на лица людей.

Весной 25 апреля 1942 на фронт пошли уваровцы. Лешка помнит: это был удивительный день. Яркий, солнечный, радостный...

По реке Дороманке весной, по большой воде сплавляли лес. Зимой его заготавливали, складывали по берегам в бунты. Потом бунты спускали в воду и расходился лес в плотах по всей России. Старались сплавить так, чтобы на реке не было заторов.

Но случались и заторы.

Лешка видел такие заторы: от устья Дороманки на десятки километров вверх.

Бывало, столько леса зажмет на реке, что река становилась сплошь деревянной. Страшное дело!

Весь поселок на заторе стоит день и ночь, разбирает его, пропускает бревна к большой реке, в запань. И ребятишки тоже на заторе. Весело прыгать с бревна на бревно, выглядывать зажатую лесом рыбу, которую легко поймать в это время.

Огромные бревна, отборный сосняк, стоит почти вровень с берегами недвижно. И вот где-то ниже по течению люди разбирают преграду и вся это махина, треща и звеня неохватными бревнами, устремляется все быстрее и стремительнее вниз по течению. Успевай уносить ноги!

...И вот весна сорок второго. Только что закончили сплав. А сплавщикам и лесорубам на фронт надо. И Даниле Андреяновичу – на фронт, уже третью войну одолевать, и сыновьям его, и Алексею Муранову и всем, всем, всем, кто может в руках держать оружие. Не сегодня, так завтра. Готовься. Враг подступает к Москве...

Лешка отчетливо помнит эти проводы 25 апреля.

Их было в первой партии тридцать человек. Все пришли как на праздник на берег в хороших одеждах, белых рубашках, с гармошками, кто умел играть. Нужно было попадать в райцентр – село Усолье.

Уставшая от сплава река, уже входила в свои берега, но изредка по ней проплывали молью одинокие бревна. А вот лодки не было. Какой-то раздолбай угнал ее на ту сторону реки и оставил там.

Надо переправляться.

И тут по реке поплыла пачка бревен, собравшаяся крест на крест. Видимо, слишком много леса спускали из бунтов. Вот она и задержалась.

Алексей Муранов схватил багор, зацепил эту пачку, прыгнул на нее и перебрался на ту сторону.

Река все еще играла, течение было быстрое и Муранова снесло метров на двести.

И весь поселок стоял на берегу и переживал за Алексея: сумеет ли добыть лодку, не пропадет ли в бурной реке...

Николай вместе с мужиками стоял внизу у уреза воды, ожидая Муранова с лодкой. А на берегу, на самом высоком месте отдельно от всех стоял, как памятник, вороной конь со всадником. На коне восседал новый начальник лесопункта, присланный откуда издалека, Михаил Травин.

Он по-хозяйски окидывал взором поселок, реку, баб и детей, провожавших на фронт мужей, и ноздри его хищно раздувались. На сердце у Николая стало еще тревожнее. И тут же тревога эта стала закипать яростью:

– Ну, ладно, – сказал он сам себе. – Мы обязательно вернемся и подведем итоги. Кто и чем помог стране?

И вот, наконец, Муранов поднялся, пригнал лодку и принялся перевозить мужиков через реку.

Как в иной мир, из которого нет возврата. По крайней мере нет возврата прежнего мужа, отца, сына... Потому, как война, если не убьет, то покалечит, не покалечит, так искорежит душу...

Всех мужиков перевез Муранов, одна баба с последним рейсом туда уплыла с ним, чтобы вернуть лодку.

А мужики пошли по дороге наверх в сосновый бор. Шли друг за другом, не оглядываясь. На войну пошли.

Так и остались в глазах у Лешки эти сосновские мужики, идущие спасать отечество по той стороне Дороманки..

А на этом берегу – горе, плач и рев непрерывный. Бабы плачут одна перед другой целыми днями.

И платки в слезах, и платки валяются на земле по улице. Ревет-ревет иная, платок потеет. Да как не рыдать, если в соседних деревнях, на русских-то, местных, которые первыми на войну ушли, уже прислали похоронки. Причем, в подробностях описано было: ваш отец, муж убит так-то и где, ранен смертельно так-то..

Теперь и их мужики ушли на погибель туда. А кто и вернулся, то калекой: без рук, без ног, без глаз...

И потом проходит какое-то время, где-то в 43-м году к осени ближе поднимаются из большой реки по малой два карбаса полуторатонника. И на них горы старых шинелей, бывших в употреблении, и все шинели в крови. Видимо, они с убитых солдат. С фронта.

И тут началась невообразимое. Жуткая сцена: стали разбирать бабы эти шинели. Их приказано было отстирать и привести в порядок, ушить, заштопать.

Одна баба берет шинель, а она вся в крови. То ли с убитого, то ли с раненного жестоко. Зарыдала в голос.

Это отпечталось в памяти на всю жизнь.

У Кати Мурановой в похоронке на Алексея было написано: «Ранение в живот.»

И она увидела шинель:

– Это его шинель!

Рев и стон стоял на рекой и лесом невероятный. Рыдали все. Стали искать в этих окровавленных шинелях свои, зная, кто и как из мужей или сыновей ранен был...

Многих женщин без чувств дети домой уводили.

...Николай оставил на плечах Платониды четырех нахлебников. Расставались когда, плакал...

– Как же ты, Платоша, справишься?

И вот леску прислал. Немецкую. Крючков. А до речки пятнадцать метров от порога. Утром Лешка поднимется рано, мать закажет:

– Много не лови. Хватит и одной щуки.

А она уж хлеба творит. Щук на противне запекали. Если же ничего не говорит, тащит и двух или трех. С первого заброса редко, когда не схватит щука. Второй раз, бывает, сорвется, кинет Лешка еще раз. И все равно, наловит столько, сколько нужно.

Стали ту войну переживать... Грибами, ягодами, рыбой, дичью лесной...

Глава 10. Школа сороковых

Первым в Сосновое поселение возвратился с войны оплаканный, отпетый в церкви Алексей Иванович Муранов. У него был позвоночник перебит. Он был в Мясном бору в армии Власова.

Власов армию сдал. Бойцам объявили так:

– Кто хочет домой – идите, а кто желает сражаться за свободу – идите с Власовым.

Дядя Леша рассказывал потом :

– Многие пошли с Власовым, а мы собрались и начали выходить из этого окружения. И я оказался раненым, перебило мне позвоночник при переправе Волхова.

...Ранение было серьезным. У него ноги отнялись и ничего не чувствовали. И вот после похоронки приходит письмо его жене Екатерине Петровне:

– Ваш муж находится в Алма-Ата в госпитале. Он тяжело ранен, инвалид первой группы, на всю жизнь будет прикован к постели. Сообщите: какое будет ваше решение? Желаете ли вы забрать его домой или согласитесь на помещение его в дом инвалидов? Ответьте».

Екатерина Петровна пишет: «Везите его ко мне, какой есть».

Спустя время в Сосновое пришла из города санитарная машина и две медсестры из госпиталя привезли его Екатерине Петровне, принесли на руках, буквально.

Алексей Иванович был не только передовиком, но был весельчаком, замечательным гармонистом. Без него ни один праздник не обходился, ни одна посиделка.

Встречать его буквально все Сосновое собралось, кто не был в лесу.

– Ну, здравствуйте, товарищи переселенцы? Каково вам тут без меня жилось? Вот погодите, поднимусь на ноги, Я вам еще сыграю!

Многие бабы потихоньку утирали глаза.

И вот Екатерина Петровна стала его выхаживать. Добросовестно выхаживать. Постепенно он стал встать на ноги, стал косить, да и не худо косил, такой крепкий на руки-то был, заездки забивал, рыбы много ловил.

Когда его привезли, у него фуражка армейская была, форма, ремни, портупья...

Ребятишки, любопытный народ, к нему приперлись. А он и рад. Так этот детсад от него с утра до ночи не выходил. Ребятишки даже за вином для него в лавку бегали.

А вино он любил выпивать с Иваном Ивановичем, учителем местной школы.

У Ивана Ивановича, было шесть классов образования. Вот его списали из армии и направили в Сосновое. Ребятишек там было много, и все болтались неучами, про школу и учителей не слышали еще.

И вот слух прошел, что в Сосновое едет учитель. А кто такой учитель – никто из детей не понимал даже?

Как-то дети прибежали к Алексею Ивановичу, видят, сидит у него старик. Точная копия Мичурина. А Мичурина тогда знали все. По портретам в газетах. Бородка, шляпа, и в шляпе как гнездышко сверху провалено.

Обступили этого Мичурина, глазуют на него. Он и говорит:

– Ребята, наберите-ка мне черники.

Дети вскочили, побежали. Тут до черники сто метров буквально было. Набрали черники, кто во что. Приносят, он шляпу поставил, чтобы сверху туда в это гнездышко чернику положить. Ребята ему туда кладут, а он ест.

...И вот начались занятия. Лешке тогда было шесть лет, по возрасту он не подходил для школы.

Но как же, все идут: и Люська Резниченко, и Клавка Житьева, Васильченко ребята... все уже в классе. А Алексея Житьева там нет? И он пробился к ним силой, хотя его и не пускали.

Иван Иванович говорит ему:

– Пошел вон отсюда.

Он – ни в какую. Потом ломится еще в дверь Вовка, брат двоюродный. Он опоздал к уроку.

Иван Иванович:

– Опоздавших не пускаем...

И пока он с Вовкой занимался, выталкивал его, а Вовка лезет и лезет, Лешка между ног у него и – на печку. Печка посреди класса стояла. Уж, думает, с печки-то он его никак не стонит.

А у Вовки – охалка моркови с собой. Дети тогда любили морковью похрустеть. И вот он эту морковь учителю сует, что бы тот пропустил его. Взятка!

Иван Иванович морковь взял, а не пускает, но Вовка все-равно прорвался. Сильный был, хоть и маленький. И Лешку он так же и не мог выгнать с печи.

Лешка на печке разлегся, наблюдает, как учитель урок ведет.

Смотрит Лешка, а учитель начал какую-то ерунду городить. Какие-то палочки, крючочки, кубики, кружочки показывать. Потом до цифр дело дошло.

Стал он спрашивать у Клавки Житьевой да Люськи Резниченко, а они уже переростки, им по 8 лет, а в школе не бывали: «Какая это цифра?».

А они не знают, не могут запомнить. Дошло до девяти. Ну, не знают и все.

А Лешка сверху смотрит и думает: да чего тут не знать? Ему эта наука легко дается. Вот он и говорит с печки:

– Девять, это!

Учитель посмотрел на Лешку, подумал и говорит:

– Верно, слезай, садись за стол.

Лешка, как воробей, слетел с печки, сел рядом с Вовкой, слушает, что дальше будет.

Учитель морковь со стола убрал и говорит:

– Сейчас, дети, будет урок пения.

Все оживились. Все частушек много знали и других песен, которые на гулянках пели родители: «Шумел камыш...», «Хас Булат удалой...»

– Ну, давай ты, Люся!

– Собиралась на гулянку,

Мне наказавала мать:

«Сотона вертиголовая,

Приди хоть ночевать...»

– Достаточно, – сказал учитель. – Ну, вот ты, Володя, руку тянешь. Какие песни ты знаешь?

– Выхожу и начинаю, – запел Вовка противным козлиным голосом,

– а в кармане молоток,

неужели не заступится

двоюродный браток...»

– Нет, – говорит учитель, – не правильно вы поете. Нахватались всякого мусора. Нужно песни петь настоящие.

А никто хороших-то настоящих песен не знает... Да, видимо, он и сам петь не умел. Но поставил в дневнике девчонкам, которые пели, как комары зудели: «Хорошо поют».

А напротив этого класса и жил Алексей Иванович Муранов. Екатерина Петровна купит Алексею Ивановичу от большой любви граненую бутылочку водки. Алексей Иванович Ивана Ивановича зовет в гости, и дети за ним – весь выводок.

Вот они сядут за стол, начнут свои разговоры, а ребятам газет на пол настелют, они и ползают по ним, знакомые буквы ищут. А особенно ищут карикатуры на Гитлера, Геббельса...

Гebbельса и Гитлера тогда рисовали в виде обезьян. Найдут ребятишки карикатуру и катаются по полу, ухохатываются:

– Вот такие они и есть, образины.

А Иван Иванович с Алексеем Ивановичем зашибают. А у Алексея Ивановича хороший голос был, пел очень громко. Выпьет рюмку, другую, запоем «По долинам и по взгорьям».

– А ну, орлы, становись!

Ребята скорее строиться и маршировать. Всем охота фуражку его на себя водрузить. Но фуражку он свою отдает тому, у кого отец погиб на фронте.

Дальше построит детей в колонну:

– Равняйся! Смирно! Марш!

Учителя только улыбаются, глядя на новобранцев таких. Кто в соплях, кто в рваных штанах, кто босиком и ноги в цыпках...

Алексей Иванович кричит:

– А ну, запевай.

Тут дети и рады глотки драть.

Так вот и учились в Сосновом.

Весной Иван Иванович говорит: «Первый класс вы закончили, я вас перевожу...»

И все стали думать: куда это он нас переводит? И вообще, что это такое «перевожу»? Вот задачка. А—а, во второй класс.

А понятия, что это такое – второй класс, ни у кого нет. Никто ни писать, ни читать не умеет.

И вот лето прошло. Иван Иванович после летних каникул приезжает, сообщает, что все во втором классе. И он опять начал попивать с Алексеем Ивановичем, а дети – одни, брошены.

Им уже скучно стало бездельничать, не интересно.

Но скоро Иван Иванович помер – бедолага, похоронили его. И осталась сосновская школа без учителя.

В школу уже не надо ходить, ну, и ладно. Все поняли, что школа, это Бог знает, что. Это не интересно.

И тут присылают в Сосновое настоящую молодую учительницу. Ольгу Ивановну. Вот она-то и стала для Лешки и всех остальных детей Соснового первым учителем на всю жизнь.

– Вы, говорит, во втором классе, а никто читать и писать не умеет?

И начала она с нуля обучать детей. И тут образовались кружки, и секции, гимнастические пирамиды стали делать, гимнастику показывать.

И она начала ставить пьески, песни учить, даже по соседним участкам стали с концертами ездить. Вот так и выучила детей военного времени, беспризорных воробьев, в люди вывела.

Глава 11. В лесах

– Колька, хватит дрыхнуть! – Лешка тряс за плечо своего братишку, спавшего на печи. – Вишь, сколько снегу намело. И солнышко светит – Айда, кататься с гор.

– Сначала за стол, Самовар вскипел. – Остановила их мать. – Я сейчас пироги доставать стану. Они хоть и ржаные, а все же пироги. Да позовите дядьку Катырю завтракать. Тошно, поди, ему одному.

За Катырей не нужно было бежать. Его квартирка начиналась сразу за житьевской печкой. Можно было через переборку заглянуть в жилище катырино.

А можно было попросту спрыгнуть в его комнатку.

Григорий Александрович – мастер на все руки. Человек добрый, старательный.

В Сосновом летами работает на запани, лес принимает да в плоты сбивает. Зимой ледяную дорогу содержит в порядке. Это он сработал Лешке и Кольке лыжи, которые хоть на охоту, хоть с гор кататься годятся. Легкие, прочные, широкие.

Не успела Платонида распоряжение дать, как Колька заборку перемахнул и уже у Катыри гармошку терзает.

– Нет, Платонида Ивановна, не приду чаевничать. – Отвечает Григорий. – Надо ледянку ехать чистить. Занесло. Уж вечером, ежели, почаевничаем,

...Сосновские мужики уходили на фронт лесной дорогой. Это был дремучий сосновый лес. Сосны лет под двести-триста: в два обхвата. Вершины небо подпирали.

Этот лес до пятидесятих нависал над речкой Дороманкой.

Белых грибов в нем росло – неоглядные плантации. Брусники, черники в нем – никогда не выбрать...

И этот лес кормил наш поселок и давал каждому работу, и давал стране древесину.

Мастер леса – человек в поселке уважаемый. Прежде, чем нарезать участок, мастер определял, как выгоднее подвести древесину к реке. Возили всё на лошадях.

Летом возили на специальных тележках, у них были маленькие колеса, похожие на ролики. А зимой было проще, лес везли просеками по ледяным дорогам. Эта ледянка, прямая, как стрела. Ночью ее подметали голиками. А если заносило снегом, то откапывали лопатами специальные рабочие. И еще ее все время поливали водой.

И так здорово было выйти зимой на ледянку. Красота невероятная. Над тобой кроны могучих сосен в снеговых шапках, на сугробах следы зверей, в ветвях птицы посвистывают...

Днем на ледянке движение, как на Невском проспекте. Идут лошади тяжеловозы. Некоторые везли сразу по 14 кубометров леса. Тут уж возница решал, сколько его лошадь может взять леса. В выходные ледянка пустовала, и на ней можно было кататься, хоть на коньках. Вот на эту ледянку и собирался дядька Грища Катыря.

Лешка и Колька, напившись чаю с пирогами, встали на лыжи и отправились обзирать владения, Реку, сосновые боры по обе стороны реки, монастырские огороды, заснеженные и безмолвные.

Еще немного и река упиралась в запань, устроенную в большой реке. Запань отдала бревенчатыми бонами несколько сот метров побережья. И в этом пространстве, куда по весне загоняли сплавленный лес, формировали плоты или ерши, которые таскали по рекам специальные буксиры.

Сейчас запань замерла, покрылась снегом, и только следы выдавали присутствие здесь человека.

Лешка поднял голову, на высоком речном берегу стоял домик Егора Лахова, смотрителя запани. Из трубы валил дымок.

Вот на крыльцо домика вышел хромоногий человек, пригляделся:

– Лешка? —Спросил человек – Ты, что ли будешь?

– Это мы с Колькой! Катаемся, – отвечал Лешка.

– Ну, коли так, вытряси там на Дороманке вершу да принеси рыбу. Мешок я тебе сейчас сброшу. А то у меня сегодня нога к непогоде разболелась.

Человек скрылся в домике и через минуту появился вновь со свернутым в рулончик мешком.

– Пешню найдешь там рядом. А мы пока со старухой буржуйку растопим.

– Кто это, – спросил Колька?

– Батькин друг, дядя Жора Лахов. Батька с ним рыбачил прежде часто.

Ребята подняли из заезка вершу. В ней было несколько востроносых стерлядок да две щуки, разевающие пасти, похожие на чемодан, а еще окуньки и сорожки..

Лешка окидал в мешок рыбу, они оставили свои великолепные лыжи под берегом, и полезли по тропке в кручу к домику.

У Лаховых было тепло и даже жарко. Гудела буржуйка, через все комнату тянулась раскрасневшаяся труба, волнами распространяя жар по избушке.

– Вот мы сейчас обедать станем. Давайте-ка щуки изжарим. Стерлядь снесете домой. – Говорил без остановки дядя Коля. – Стерляди нынче мало. Потому, как лесу в запани нет. Некому в лесу сосняк валить да сплавлять. Много ли бабы да девки навалят. Тут сила мужицкая нужна.

Веришь ли, этой стерляди под плотами набивалось столько, что плоты шевелились. Это она на бревнах собирает рачков. Эти рачки у нее любимый корм. И чем больше его, тем стерляди больше. Было до войны я эту стерлядь поросенку кормил. А нынче уж и поросенка нет. Нечем кормить.

– Вот батьке вашему на фронт рыбешки бы вяленой дибо мороженой послать, вот они бы порадовались, так не дойдет... – Сменил Лахов тему. – Скажите, пишет хоть чего? Скоро ли война эта проклятая кончится?

– Батька мне с фронта леску послал и крючков немецких, – сказал Лешка.

– Эва, как! Это, значит, они в разведку ходили по немецким окопам шарили. Батька у тебя отчаянный. Да все братья Житьевы – не промах.

– Про их артиллерийский расчет и в газетах пишут, мол, братья Житьевы все. Батька вырезку присылал. Пишут, что стреляют метко.

Жена Лахова разделала щуку и уже жарила на сковородке. Сам Лахов принес с коридора кусок соленого сала с розовыми прожилками, нарезал ломтями хлеб.

– Последнее, – сказал с он сожалением. – Надо как-то выживать.

У Лешки с Колькой, давно не видевших такого богатства, ноздри раздулись, и рот забило слюной.

– Садитесь, чем Бог послал, а остальную рыбу отнесите домой, пусть Платонида Ивановна пирогов печет.

– Она и сегодня пекла рыбники. С таким.

– Это как?

– Говорит, садитесь, ребята за рыбники. А сама тесто посолит луку положит, загнет и в печь. Мы спрашиваем: «Мамка, а рыба-то где?» А рыба, ребята, настяла и убежала... Лешка с Колькой принялись уписывать угощение за обе щеки.

– Не знаю, как это она с этакой оравой справляется. Ведь это надо каждый день накормить, напоить, одеть, обуть. – Лахов вздохнул тяжело.

Когда уходили, дядька Жора сказал Лешке.

– Ты следующий раз батькин адрес принеси. Номер полевой почты. Письмецо напишу, порадую. Хорошие, скажу, у тебя ребята растут.

Платонида Ивановна работала конюхом. С одной стороны дороги, сбегающий к реке, была конюшня, а с другой – домик, в котором Житьевы жили в войну. С Житьева крылечка было до конюшни десять метров.

Платонида была очень жалостливой к скотине. Если кобыла жеребится, ей жалко кобылу на морозе держать. Так она заводила ее прямо в избу. Вправо у них дверь была, где жили Житьевы слева стояло точило, огромное колесо – топоры точили. Вот туда она и заводила кобылу. Мама сена ей постелет, жеребеночек родится, обсохнет, начинает по дому бродить. И к детям забредет в комнату. Дети проснутся утром, а им в лицо дышит новорожденный жеребенок.

А оклемаются от родов чуть-чуть, Платонида их на конюшню ведет.

...Лешка просыпался чуть свет и бежал на конюшню. Любил коней. Они знали его и всегда встречали радостным ржанием.

– Как жизнь, скоромные герои лесозаготовок? – Спрашивал Лешка, и лошади отвечали ему.

Лешке казалось, что он понимает лошадиный язык. А когда приходил я в лес, то, казалось, понимает птичий язык.

– Витьку видел? – Спрашивали его любопытные синицы.

– Сдался вам этот Витька, – отвечал Лешка. —Крошки-то хлебные у меня. Налетай!

А за стенкой у них жил плотник, печник, пчеловод Григорий Катыря. Лешка многому от него научился полезному. Это был замечательный, добрейший одинокий человек.

У него был один глаз, поэтому на войну его не брали. У него была гармошка, в которую он играл, кто ни попросит.

Житьевы жили с Катырей, как одна семья. Он уйдет на работу, дети к нему пробираются, чтобы потерзать гармошку. И как разведут меха, из нее сыплются монеты.

Это он, чтобы ребятишки не баловались с гармошкой, закладки делал. Нет монет, значит, надо меры принимать. Жалко гармошки, истрепят.

Или Муранов к нему придет. Двери-то в поселке и моды не было закрывать. Алексей Иванович тоже любитель на гармошке поиграть. Берет эту «мамку», Катыря звал гармошку «мамкой». Как разведет ее – посыпались деньги. Муранов захохочет:

«Хитер! Заметил, чтобы мы не играли».

А потом Григорий Александрович купил баян. Эту «мамку» -гармошку продал и стал учиться на баяне. А таланта музыкального нет никакого, у него ни слуха, ни чувства ритма. А все-равно играл. И девкам, и парням в клубе. А тем даром, какая игра. Лишь бы потискаться.

Вечерами все – в клуб. И мелюзга и подростки. Катыря играет, девки с парнями обжигаются. Кто в сенях, кто в коридоре, кто в клубе дрови бьет...

А за печкой идет неустанная борьба. Мальчишки между собой сражаются. Чего еще делать мальчишкам, пока не подросли? Бороться...

И вот пластаются они часами. Обессилеют, а русская печь огромная. Повалятся на печь, да и переночуют.

Интересно было в клубе.

Глава 12. Катыря

Лешка с Колькой домой добрались уж в сумерках. Кинули у печки мешок с рыбой.

– Мамка! Тебе Лахов привет послал с запани. Испеки рыбнички-то.

– Пирог с утра печены. Мы эту рыбку побережем к празднику. Может, белой муки привезут. Будут у нас настоящие пироги... Воложные

Николай Житьев частенько хвалил Платониду:

– У этой хозяйки вокруг каждой ноги – пироги.

Живо подтопила стружками печь, разделала рыбину, утрешний пирог раскрыла, рыбку уложила на него и на противень воды брызнула, и вот за полчаса готов настоящий рыбник.

Тут и Катыря на пороге.

– Проходи сосед, садись за стол, вот тебе чай кипрейский, вот тебе печено стерляжье, – запела Платонида. – Спасибо, тебе за мед. Сколько уж ты нам меду переносил, что не знаю, как с тобой и рассчитываться.

– После войны сочтемся, – улыбнулся Катыря.

Катыря с детства любил пчел, особенно любил шмелей. Когда жил в Белоруссии разводил шмелей. У шмелей мед особого вкуса, шмели его упаковывают он в капсулы, похожие на горшочки. Очень хороший мед.

И в Сосновом Катыря пасеку держал да еще дикий мед собирал. Катыре было уже около пятидесяти. Но на вид он был гораздо моложе. Мирный Катыря человек. Добрый.

– Расскажи, дядя Гриша, – просили дети. – Про первую мировую. Как там было, на войне...

– Ой, ребята, лучше бы вам не знать этого. Но раз уж не отступаетесь, расскажу:

– Забрали меня на фронт в артиллерию, потому что образование у меня было восемь классов. По тем временам, в царское время – очень высокое образование считалось. Стал я заряжающим, откатчиком, шнур который дергает.

И вот однажды, нам были координаты заданы, по которым нужно было вести огонь, а обстановка поменялась. И оказалось так, что там, где были немцы, уже наши. Они немцев вышибли. А мы все продолжаем бить...

Жар от орудия уже, а мы все бьем и бьем. А там уже наши!

Тут в сознание вошло: «Катыря, да ты своих побил!».

А эти наши, которые только что рубеж взяли, поняли, что по ним свои же бьют. Тут они развернулись, да обратно... Бегут озверелые, сейчас всю дивизию раскромсают.

И, понимаешь, при таком случае артиллеристам пришлось уничтожать своих, чтобы не погибнуть от своих же. Война, все по законам военного времени.

И они положили все это подразделение, которое шло на них в атаку. Все.

И вот приезжает на позиции «черный ворон».

Это был военно-полевой суд. Выстроили нас, стали разбирать. Я ничего не слышу, ничего не понимаю. Оглох от канонады.

А полевой суд – несколько минут идет. А выставили нас уже к стенке для расстрела. Человек в погонах выходит с револьвером в руках :

– Петров, шаг вперед!

Поднимает револьвер. Бах, и падает приговоренный.

– Иванов! Бах и падает.

Настает моя очередь.

– Катыря! Шаг вперед.

Я хочу сдвинуться с места и не могу шагнуть. Жду, а выстрела все нет и нет. И тут слышу:

– Ты, Катыря, отойди в сторону, ты оправдан, ты не виноват.

... Тут Платонида Ивановна встала:

– Все, ребята, спать, спать.

Дети – на печку, на полоти, а Катыря остался.

– Верно, говоришь, Григорий Иванович, детям все про войну

ни к чему знать. А ты мне расскажи, я сильная...

– Ну, слушай, тогда, Платонидушка, – погрузился Катыря в воспоминания. – Дальше воюем. А чувствую: со мной что-то не так. В блиндаже сидим, кашу едим, и вдруг команда – «Батарея к бою!».

Командир батареи крикнул: «К бою!» и из блиндажа выскочил по лестнице наверх. И вдруг обратно валится к нам. Уже без головы. Голову оторвало. Он еще дергается, кровяща хлещет.

Артиллеристы выскочили, а я испугался. Я со страху забрался под лавку и начал из котелка в карман кашу совать. Я сам не знаю почему.

Сижу под лавкой, а наверху: «Бу-бух, бу-бух...» Бой идет. Рядом со мной командир валяется без головы...

Я сам себе кричу: «Катырла, выходи, тебя расстреляют за трусость!».

Я выскакиваю туда, ползу-ползу к оружию. А снаряды кругом воют, землю роют...

А командир оружия только снаряд за снарядом подает. А тут, вижу, ящики со снарядами горят.

Я их плащ палаткой накрыл и думаю, как в бой вклиниться, чтобы меня заметили.

Начинаю снаряды подносить, этого командира оружия толкаю. Он на меня посмотрел, как зверь. Когда идет бой, у всех глаза навывкате, все страшные. Командир посмотрел в мою сторону, и я снаряд подал и сам встал на свое место.

Потом бой затих, кто живой, кто раненый, кто стонет; «Братцы, добейте!» И тут же, как попритихло, раненых убрали, построили, кто, остался живой.

И тут зачитали, кому ордена, кому медали, а мне ничего не дали, одного меня не наградили за тот бой.

Потом начались газовые атаки, побывал под газами. Потом стали брататься с немцами, кто-то кричит: «Все, царя долой!»

И тут началось непонятно что. То не было обмундирования, были голодные, босые, без снарядов, оборванные, во вшах. А тут все есть: и снарядов, и хлеба, и только вой. И все есть, а никто воевать не хочет.

Вот пошли по домам. И я ушел. Приехал в Белоруссию к себе.

Ну, там меня в комитет бедноты назначили, как особо грамотного начальником или председателем каким-то. И начались жестокие земельные споры.

Делили, делили, но оказалось много недовольных. И среди них мой брат. И случилось так, что в ссоре я застрелил своего брата. И сестра тут замешана была. И меня осудили и отправили в Сибирь по уголовке.

В Сибири – стройка. Я косяки вставляю, печи кладу. Тогда у меня еще оба глаза были. И тут подвернулся начальник геологического отряда: «Ты грамотный, артиллерист, азимут знаешь... Я забираю тебя к себе».

А геология имела тогда большую власть. Вот меня и забрали. И я по Сибири, по Ледовитому океану с этими геологами разъезжаю, разведку ископаемых и нефти веду. И окопались мы на острове Вайгач.

И вдруг заболел я. Какая болезнь была – не помню. Пришел лекарь, а у меня температура 42 градуса.

Лекарь и говорит: «Да он уже не дышит, унесите его в кладовку. Помер». И меня унесли в кладовку.

В кладовке лежу, долго пролежал. Потом приходят хоронить. А хоронили там как – в море опускали. Потому что там камень один – не разбить его.

Пришли хоронить, а один и говорит: «Да он гнется, он, вроде, живой».

Второй: « Точно живой!»

Занесли в тепло. И тут у меня начались галлюцинации, как будто меня куда-то задвигают на тот свет или еще куда-то. И оклемался».

Глава 12. Дика́й ме́д

Когда оклемался Катыря, его геологическая партия уже ушла. Так оказался он в Архангельске.

Веселое было время на Белом море. Лес идет, стройки шумят, пилорамы работают. Строительство огромное, дома ставят и ставят, народу, что муравьев. Это было время спецпереселенцев, раскулаченных. И все были при деле.

Там Катыря стал плотником. Спрашивают: «Есть специалисты косяки вставлять?».

И оказалось, что никто, кроме его, не умеет.

Дали ему помощников-учеников и стал он дома окосячивать.

Однажды возник спор между плотниками: «Кто одним ударом гвоздь забьет в сучок?» Глупый спор, взрослые вроде бы люди, а вот стали упражняться.

Ну, забивали-забивали – никто не смог.

А тут Катыря подошел: «Давай, я забью одним ударом». Как шархнул, гвоздь отлетел в глаз. И глаз вон.

Врачиха говорит: «Глаз нужно удалять, глаза нет». Сделала операцию и сказала: «Если бы промедлили, то и второй бы глаз быстро ослеп.»

Ну, и все, с одним глазом отпустили: «Иди, куда хочешь».

И пошел он вверх по Двине. Поработает у одних, у других, но тянет все туда, где теплее. И так до Котласа дошел. В Котласе поработал, затем в Устюг перебрался. Холодно и в Устюге.

Добрался до Вологды, в Вологде еще поработал. И в Вологде – не климат. Пошел обратно. В лес. Добрался до Дороманки.

Смотрит – пчелки летают: значит, и медок будет, я здесь и осяду.

И пошел он в лесных участках нарасхват: строит, косячит, печки кладет. А в свободное время рои ищет.

Наловил роев, наделал дуплянок, домиков, столяр он хороший был. И заложил пасеку в деревне Медведице.

Катыря везде нужен: всюду его работа ждет...

Везде: «Давай, Катыря».

А он везде пчелок ищет да ловит.

Возьмет немножко медку, выйдет на луговину и ждет.

Скоро прилетит пчела, возьмет у него медку и полетела. А Катыря в этом направлении идет метров триста. И опять ждет. Опять пчелка прилетит. Он опять за ней. И опять ждет... И вот таким образом пчелки его к дуплянке подведут.

...Как-то Житьевы у конюшни работали. Платонида и говорит: «Смотрите, ребята, Катыря в лес пошел».

А у него – поперечная пила, топор, и ведра какая-то баба сзади несет, семенит.

Мать и говорит: «Ребята, собирайтесь быстрее, Катыря мед нашел».

Сморят, куда Катяря пошел. И они по лесной дороге в сторону ручья Перовки.

Житьевы кто с чем, будто бы за ягодами пошли. Прошли километра полтора, стали ягоды брать, слышат: «Бу-бух!» Дерево большое упало. Все ясно.

Платонида детей поднимает и они всем курятником туда, где дерево упало.

А уже начались сумерки. Подошли, а там костер разведен, и Катыря куски дерева отпиливает. Там, где леток, метра четыре откомлевал. Простукал, чтобы пчел не перехватить, тут надо с предупреждением отпиливать.

Ага, отпилили они вместе с этой бабой кусок дерева, Катыря посмотрел в дупло, еще кряж отпилил.

И начал доставать соты и складывать в ведра. А тут и Гуськовы обозначились. Пчелы гудят, а не кусаются.

Темно и дымом окурены. Только одна Лещку укусила. Наверное, меда больше всех хотел.

И начал Катыря в ведра соты складывать. Как с этого куска дерева достал, дальше пилит. Открывает около метра, кряж раскалывает, мед достает.

А меду там в этом кряже! Все ведра заполнил, Житьевым отделил...

И когда уже дело все управилось, он оставил там еще неубранного меду. Не весь стал убирать.

На завтра, когда матка в этот кряж ушла, он придет, дупло закрывает платком, открывает, и – на плечи, с кем-нибудь вдвоем несут на пасеку.

А если не нужен рой ему, так оставляет его, но мед забирает.

Так Житьевы дети и на другой день ходили, этот мед там лизали.

А потом Житьевы уже сами нашли пчел в осиновом дупле совсем рядом, ниже своего дома, наверное, метров семьсот на той стороне.

Тут-то пчелки их покусали. Но четыре или пять ведер меду взяли. Колоду вынесли на другой день, поставили возле дома. Ну, и пчелы здесь стали работать. Ребята колоду, бывало, перевернут, а там языки свежие уже, пчелы вытянули новые соты. Посмотрят и опять поставят. Работайте пчелки!

А Катыря один раз двенадцать ведер меда в дуплянке взял.

Очень добрый был. Раздавал много меду. И только иногда менял на что-нибудь нужное ему.

Глава 13. На запани

Катыря у начальника лесоучастка, как ценный работник проходил. Потому что, кроме всяких умений, еще и медом снабжал начальника и его семью.

Семья у Травина жила в райцентре и на участке не появлялась. Знали, что есть у него жена Зара, которая мед сильно любит.

– Ты Григорий Александрович не переживай. На фронт тебя не отправят. Ты у меня на броне.

У Катыри страх, что его заберут на фронт, непреодолимым был. А носил он искусственный глаз. И так по виду не видно было, что калеченый. И в военкомате этих подробностей никто не знал.

Он пришел на медкомиссию, они глянули: «Ага, здоровый. На фронт.»

Он видит, что забирают уже. Достал глаз и в карман спрятал. Врач говорит: «Подождите, а что у вас с глазом? Ах, так у вас глаза нет? Ну, все, не годен.»

Катыря выйдет, глаз вставит и опять, как полноценный человек...

Следующая комиссия – опять забирают. Говорит: « Я был вынужден тогда этот глаз выбросить, без глаза ходить.»

Он себя считал гармонистом. Музыкантом считал, и любил этим блеснуть. Приедут в участок начальство или уполномоченный какой, все к нему: послушать гармошку да медовухи выпить.

И девки его – нарасхват. Вечером ему дома не давали отдохнуть: «Иди нам поиграй в красном уголке.»

Он любил, когда его просят. Играет с напрягом, сопит, глазом сверкает. Нет девкам женихов. Девки Катырю затискают, зацелуют, а какой толк от Катыри...

Так и завяли они без женихов. Война кончилась, разъехались по городам.

А в деревне на берегу большой реки, где Лахов в избушке жил, была у Катыри пасека.

Там была запань, в которую ловили сплаваемый лес и вязали из него плоты. От камня был протянут к берегу трос и привязан к ершам или быкам, вкопанным в землю. А в устье сплавной реки трос вязали к огромным соснам. И вот это сооружение держало запань, ловушку из бревен опять же, которую удерживали этими тросами. Леса набьется, трос натянет так, что он гудит: «ду-ду-ду...»

Порой, давление такое соберется, все эти крепления с корнями вырывало из земли.

Катыря в сплавном деле специалист был. Его держали там вроде наставника, чтобы молодежь обучать.

– Работаем с утра до ночи. – Рассказывал Катыря. – Слышим: «Цак, цак, цак». Это значит, либо начальник лесоучастка, либо военком едет из района на коне. Военком уже повоевал, был ранен, без руки вернулся, капитан...

И вот он встанет на горе перед камнем на лошади. Как памятник стоит. Выглядывает молодежь. А те уже бледные от волнения. Их черед на войну идти...

Вызывает: « Петров, Иванов, Сидоров выходи строиться!». И повел их в город на отправку.

Парней в поселке не стало, мужики еще раньше ушли. Один начальник участка на коне да Катырло с гармошкой, от которого толку нет.

...Бабы в войну тосковали сильно. Особенно те, которые вдовы, которые перестарками остались.

А Катыря сложен был хорошо. И мужские достоинства при нем были в порядке. Только на женщин он, как мужик, внимания не обращал. И даже прятался, рассказывал, от них, то на чердаке, то в кладовке.

Бывало, выглянет в окошко одним глазом: «Ой, опять идут эти волосатые!»

И на чердак!

– Это потому у меня к женщинам интересу нет, что я на фронте газов хватанул. А кто газ схватил, тот на половину только мужик.

А может, и на нервной почве у него такая беда приключилась. Постой-ка у расстрельной стенки!

Так и не женился Катгря, хотя баб к нему бегало много. Пошарит иную, посопит, а толку нет. Медку в плошку положит: «Ешь, милая! Это все, что могу...»

А вот начальник лесоучастка, тот ни одну, более, менее, красивую бабенку или девку не пропустит мимо.

Этого Травина прислали в тот же день, как мужики ушли на войну.

Верхом на коне, в гимнастерке, в портупее, он носился вдоль сплавной реки и кричал на баб так, что, на другом конце поселка слышно было. Ему бы на фронте полком командовать, а он пристроился в лесу бабами управлять.

Бывало, загонит девок в воду с баграми затор разбирать. Вода ледяная, ноги сводит, а он кричит на них, на берег не выпускает.

Все знали: хочешь работу полегче получить, расценки повыше – ложись под начальника. Не ляжешь, загнобит, загонит к черту на кулички и там силой возьмет. Или вовсе без работы оставит, без заработка, подыхай с голоду.

Глава 14. Некому жалеть

Не зря тревожился Николай Житьев, отправляясь на фронт. Не зря. Платониде в ту пору тридцать лет исполнилось. В девках была красавицей, а в бабах еще, кажется, краше стала. Не смотри, что четверых родила и выкормила, что тяготы солдатки на плечи легли, не сломалась, не завяла.

Стать природная осталась, грудь высокая, шея лебединая... Оденет в праздники платье крепдышиновое, обтечет ее материя, прильнет к стану, к бедрам, ногам, волнуется на ветру, сердца мужские волнует...

Но пришла и Платониде очередь ложиться под разгулявшегося, потерявшего все моральные границы начальника участка Травина.

Однажды по весне пришел он за лошадью в конюшню.

Платонида кормила лошадей.

– Хочу предложить тебе новые условия, – сказал

Травин, хищно оскалываясь. – Добавь тебе еще единицу в штат. Все тебе полегче.

Платонида насторожилась.

– А от меня тебе лично премия будет. Тут у тебя никого больше нет? – Сказал он, оглядываясь – Веди на сеновал, пообщаемся. Исстрадалась, поди, без мужика-то.

И Травин игриво хлопнул ее по заду.

– Давай, давай, поторапливайся! Замаялся я с вами, бабы...

– Это, что такое? – вспыхнула Платонида. – Нашел подружку для утех. Мало тебе, что ты девок портишь, на баб переключился?

– Давай, не ерепенься, – жестко сказал Травин -. Некогда мне.

– Вот и проваливай, – понесло Платониду – А не то, как возьму скребок.

– Скребок? – Спросил Травин с угрозой. – Кошка скребет на свой хребет. Кто ты есть, чтобы со мной так разговаривать? Ты бы лучше за порядком следила в конюшне. Запустила тут все...

Он вывел коня во двор, вскочил на него и, уезжая, сказал, как бы, между прочим:

– Завтра можешь не выходить на работу. Приказ я подпишу вечером. В конторе расчет получишь.

– Да что же это такое делается? – Охнула Платонида. – Куда же я с ребятами-то?

– Думать надо лучше. Как одумаешься, можешь найти меня. Я пока оставляю дверь открытой.

...Жаловаться было некому. Никто не мог подтвердить домогательства начальника к солдатке Житьевой, да и на люди выносить этот сор она бы не посмела.

А вот приказ, который написал Травин на увольнение, изобиловал недостатками в ее работе. И было трудно возразить на то, что лошади не получали до нормы сена, что не хватало овса, что крыша прохудилась и текла, что в конюшне было холодно...

На все лето Платонида осталась без работы. Лето они еще пережили благополучно. грибы, ягоды, овощи, рыба, а в зиму вошли с тревогами.

Пришла Авдотьё похоронка на мужа. Погиб Данила Андреянович, мурановски й дружок, Георгиевский кавалер, кавалер ордена Красной Звезды, под Курском сложил голову уварский атаман. Вслед за этой бедой пришла другая: убралась на кладбище и сама Авдотьё.

Совсем стало грустно. И с Ленинградского фронта идут вести невеселые. Затяжные оборонительные бои, голодающий город, голодающие защитники. И в ларе с мукой у Житьевых запас истощился.

...Уже в конце октября это было, снежок кое-где выпадал и не таял, пришел с запани взволнованный Катыря.

– Я, девка, сегодня едва в штаны не напустил. Натерпелся страху, – рассказывал он Платониде. Зашел на болото посмотреть, не осталось ли клюквы, чтобы знать по весне, где журавлиху брать. И вижу, лось задранный лежит. Видимо, только-только эта драма случилась. Хотел было отрезать от ляжки кусок, да только наклонился, а в кустах рев страшный, и медведь встает...

Рявкнул на меня, и только кусты встречали, убежал.

А я не посмел дальше хозяйничать. Поскорее убрался восвояси.

Платонида не стала жалеть Катырю, а ушла домой, ни слова не говоря, взяла большой берестяной заплечный пестерь, нож, которым муж бил скот, острый, как бритва, и почти в пробеги побежала на указанное Катырей место.

Катыря говорил правду. На небольшом верховом болотечке, который в народе именовали Лакомцем, нашла она задранного лося, около которого валялся брошенный Катырей нож.

Было тихо. Только сорока, усевшаяся на чахлую березу, докладывала затаившимся птицам и зверью лесные новости.

Платонида огляделась. Если медведь сторожит добычу, то, верно он здесь, в этих кустах.

Унимая страх и нервную дрожь, Платонида обратилась к воображаемому медведю:

– Михайло Потапыч, медведь-батюшка, не гони меня, бабу несчастную, поделись со мной добычей твоей, не себе прошу, малым детушкам...

Платонида прислушалось, в какой-то момент показалось ей, что в чащобе будто бы вздохнул кто-то.

Она поставила пестерь и быстро напластала с лосиной ляжки полный короб мяса.

Потом она встала осторожно, поклонилась до земли:

– Спокойного сна тебе, Потапович в берлоге твоей.

Продела руки в ляжки, ставшего тяжелым пестрея, и побежала рысью домой. Не доходя до дому, она прикинула, что успеет еще сбегать в лес, еще нарежет пестерь мяса... Глядишь, и одолеют зиму.

И она снова побежала в лес, и на следующий день бегала. Она слышала, как ходил вокруг оставленной добычи медведь, как урчал и хоркал, но не прогнал ее грозным ревом и страшным видом своим.

...Платониде удалось пристроиться на малые деньги истопницей в школе. Но этой заплаты не хватало и на хлеб. Искать поддержки было не у кого. Катыря съехал от них в деревню на запань. Лахов сам едва волочил покалеченные ноги...

К апрелю кончилась и картошка, и мясо, рыба в реке не ловилась, слишком низким был уровень воды. Скатила рыба в большую реку.

По утрам Платонида делила между детьми последнюю картошку, по картошине на каждого. В школу дать уже было нечего.

Еще бы месяц, полтора прожить. до первой крапивы, до весенней рыбы...

Выход у Платониды был: поклониться Травину. Но сама мысль об этом загоняла ее в депрессию. Порой она сидела на табуретке, сложив на коленях руки, и глядела бессмысленно в окно. Без дум, без желаний, без воли.

Однажды прибежал из школы перепуганный Лешка:

– Мамка! Там в школе Надька наша упала. говорят: голодный обморок. дай чего-нибудь сладкого... Говорят, ее надо чаем сладким отпаивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.